

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексей Федорович
МЕРЗЛЯКОВ

Стихотворения

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - МЮНХЕН 2004

© А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л. 1958. Большая серия библиотеки поэта.
Подготовка текста Ю. М. Лотмана

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2004
Сканировано сотрудниками «Русской виртуальной библиотеки»
<http://www.imwerden.de>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ

«Среди долины ровныя...»	6
«Я не думала ни о чем в свете тужить...»	7
«Не липочка кудрявая...»	8
«Вылетала бедна пташка на долину...»	9
«Ах, что ж ты, голубчик...»	10
«Чернобровый, черноглазый...»	10
Чувства в разлуке	11
Сельская элегия	12
«Ах, девица-красавица!..»	14
Ожидание	15
Соловушка	16
«Под березой, где прозрачный ключ шумит...»	17
«Мой безмолвный друг, опять к тебе иду...»	17

РОМАНСЫ

Об ней	18
К Элизе	19
«В чем я винен пред тобою...»	20
«Тихий, нежный ветерочек...»	21
«Жестокою судьбою...»	23
«Меня любила ты — я жизнью веселился...»	23
«Кому страдать, крушиться...»	25
К моей Л. В—не	26
К карфе, отправляемой в деревню	27

«Коль сердце сердцем может жить...»	29
Разлука	30
«Прости, любовь! Конец моим мученьям!..»	31
Разговор. Любовь и Я	32
К	33
Робость первой любви	34
Ожидание любезного	35
Дуэт	36
Что есть жизнь?	38
Пир	40
Старик	41
К добродетели	42
Велизарий	43
«Зима свой взор скрывает...»	44
К Элизе, которая сердилась на Амура.....	46

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Истинный герой	47
Ночь	48
Ратное поле	52
Вечер	55
Росс	61
Гений дружества	61
Мое утешение	63
Стихотворец	65
К Уралу.....	66
Лаура и Сельмар	67
Слава.....	69
Ода на разрушение Вавилона	77
Письмо Вертера к Шарлоте	79
<Из письма к А. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову>	88
К друзьям	89
Тень Кукова на острове Овги-ги	90
Мячковский курган	93

К несчастью	95
К Лауре за клавесином (из Шиллера)	96
Торжество Александрово, или Сила музыки	97
Элегия (из Парни).....	101
К неизвестной певице	103
Призывание Каллиопы на берега Непрядвы	105
К Элизе, которая страдает продолжительною болезнию	107
Надгробная песнь З... А...чу Буринскому	108
Маршрут в Жодочи	110
Разлука и Любовь	111
К монументу Петра Великого.....	113
Бессмертие	113
Восток и Запад	113
Чудесный товар	113
Труд	115

ПЕСНИ

* * *

Среди долины ровныя
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

<1810>

* * *

Я не думала ни о чем в свете тужить,
Пришло время — начало сердце крушить;
С вздыханья белой груди тяжело!
То ли в свете здесь любовью прослыло:
Полюбя дружка, от горести изныть,
Кто по сердцу мне, не смей того любить?
Злые люди все украдкою глядят,
Меня, девушку, заочно все бранят,
Как же слушать пересудов мне людских?
Сердце любит, не спросясь людей чужих,
Сердце любит, не спросясь меня самой!
Вы уймьтесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь — научите не любить!
Потужите лучше в горести со мной:
Было время — и на вас была беда.
Чье сердечко не болело никогда?
Всяк изведал грусть-злодейку по себе,
А не всякий погорюет обо мне!
Что же делать с горемычной головой?
Куда спрятать сердце бедное с тоской?
Друг не знает, что я плачусь на него;
Людям нужды нет до сердца моего!
Вы, забавушки при радости моей,
Цветы алые, поблекните скорей!

Вас горячими слезами оболую,
Вам одним скажу про горесть я свою.
Как без солнышка не можно вам пробывать,
Мне без милого не можно больше жить.

<1806>

* * *

Не липочка кудрявая
Колышется ветром,
Не реченька глубокая
Кипит в непогоде,
Не белая ковыль-трава
Волнуется в поле —
Волнуется ретивое,
Кипит, кипит сердце;
У красной у девицы
Колышутся груди;
Перекатным бисером
Текут горьки слезы;
Текут с лица на белу грудь
И грудь не покоят!
Ах, прежде красавица
Всех нас веселила,
А ныне красавица
Вдруг стала уныла.
Развейтесь, развейтесь вы,
Девически кудри!
Поблекни, поблекни ты,
Девическа прелесть!
К чему вы мне надобны,
Коль вы не для друга?
К чему мне наряды все,
Коль он не со мною?
С кем сладко порадуюсь,
С кем сладко поплачу?
Ты, милый друг, радостью,
Ты был мне красою!
Тебя только слышала,
Тобою дышала,
В тебе свет я видела,
В тебе веселилась!..
С собою ты сердце взял —
Чем жить, веселиться?
Родные вкруг сердятся,
Что я изменилась;
Другие притворствуют,
А я не умею!..

Ах, с дальней сторонюшки
Пришли ко мне весточку,
Что здоров ты и радостен
И что меня помнишь!
Тогда улыбнусь я
На белый свет снова;
Тогда и в разлуке злой
Сольемся сердцами!
Тогда оживу опять
Для вас, добры люди!

* * *

Вылетала бедна пташка на долину,
Выронила сизы перья на долине.
Быстрый ветер их разносит по дуброве;
Слабый голос раздаётся по пустыне!..
Не скликай, уныла птичка, бедных пташек,
Не скликай ты родных деток понапрасну —
Злой стрелок убил малюток для забавы,
И гнездо твоё развеяно под дубом.
В бурю ноченьки осенняя, дождливой
Бродит по полю несчастна горемыка,
Одинёхонька с печалью, со кручиной;
Чёрны волосы бедняжка вырывает,
Белу грудь свою лебедушка терзает.
Пропадай ты, красота, моя злодейка!
Онемей ты, сердце нежное, как камень!
Растворися, мать сыра земля, могилой!
Не расти в пустыне хмелю без опоры,
Не цвести цветам под солнышком осенним;
Мне не можно жить без милого тирана.
Не браните, не судите меня, люди:
Я пропала не виной, а простотою;
Я не думала, что есть в любви измена;
Я не знала, что притворно можно плакать.
Я в слезах его читала клятву сердца;
Для него с отцом я, с матерью рассталась.
За бедой своей летела на чужбину,
За позором пробежала доли, степи,
Будто дома женихов бы не сыскалось,
Будто в городе любовь совсем другая,
Будто радости живут лишь за горами...
Иль чужа земля теплее для могилы?
Ты скажи, злодей, к кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвит?
О безродной, о презренной кто потужит?
Кто из милости бедняжку похоронит?

* * *

«Ах, что ж ты, голубчик,
Невесел сидишь
И нерадостен?» —
«Ах! как мне, голубчику,
Веселому быть
И радостному!
Вчера вечерком я
С голубкой сидел,
На голубку глядел,
Играл, целовался,
Пшеничку клевал.
Поутру голубка
Убита лежит,
Застреленная,
Потерянная!
Голубка убита
Боярским слугой!
Ах! кстати бы было
Меня с ней убить:
Кому из вас мило
Без милья жить?» —
«Голубчик печальный,
Не плачь, не тужи!
Ты можешь в отраду
Хотя умереть, —
Мне должно для горя
И жить и терпеть!
Голубка до смерти
Твоею была;
Мою же голубку
Живую берут,
Замуж отдают,
Просватывают».

<1806>

* * *

Чернобровый, черноглазый,
Молодец удалый,
Вложил мысли в мое сердце,
Зажег ретивое!
Нельзя солнцу быть холодным,
Светлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свете
И не жить любовью!

Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?
Нет, не дам злодейке-скуке
Ретивого сердца,
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок, —
Сосчитай горючи слезы
На алом платочке,
Иссуши горючи слезы
На белой ты груди,
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими...
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческий терем;
Не увидишь дорогого,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Побережь бы красной девке
Свое нежно сердце!

<1806>

ЧУВСТВА В РАЗЛУКЕ

Что не девица во тереме своем
Заплетает русы кудри серебром?
Месяц на небе, без ровни, сам-большой,
Убирается своею красотой.
Светлый месяц! весели, дружок, себя!
Знать, кручинушке высоко до тебя.
Ты один, мой друг, гуляешь в небесах,
Ты на небе так, как я в чужих краях;
А не знаешь муки тяжкой — быть одним,
И не сетуешь с приятелем своим!..

Ах! всмотрись в мои заплаканны глаза,
Отгадай, что говорит моя слеза:
Травка на поле лишь дожджичком цветет,
А в разлуке сердце весточкой живет!
Всё ли милая с тобой еще дружна,
Пригорюнившись, сидит ли у окна,
Обо мне ли разговор с тобой ведет
И мои ли она песенки поет?
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать и конца бедам не знать!
Не с кем слез моих к любезной переслать!
У тоски моей нет крыльев полететь,
У души моей нет силы потерпеть,
У любви моей нет воли умереть.
Изнывай же на сторонущке чужой,
Как в могиле завален один живой!
Будь, любезная, здорова, весела;
Знать, ко мне моя судьбинушка пришла!

<1805>

СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Что мне делать в тяжкой участи своей?
Где размыкать горе горькое свое?
Сердце, сердце, ты вещун, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать нам тебя?
Как охотник приучает соколов,
Приучаешь ты тоску свою к себе;
Манишь горесть, без того твою родню;
Приласкала грусть слезами ты к себе!
Вейте, буйны, легкокрылы ветерки,
Развевайте кудри черные лесов,
Вейте, весточки, с далекой стороны,
Развевайте мою смертную печаль!
Вы скажите: жить ли, бедной, мне в тоске?
Вы скажите: жив ли милый мой дружок?
Долго, долго ждет любовь моя его!
Вот уж три года тоске моей минет;
Ровно три года, как слуху нет об нем;
Нет ни грамотки, ни вестки никакой!
Ах! ужли-то солнце стало холодней?
Неужли-то кровь ретива не кипит?
Неужли твое сердечко, милый друг,
Ничего тебе о мне не говорит?
Много время, чтоб состариться любви!
Много время, позабыть и изменить!
Ветер дунул с чужой, дальней стороны,

Показалась зарница над горой,
Улыбнулась красотка молодцу,
И прости мое всё счастье и покой!
Нет! не верю я причудам всем своим:
Милый друг мой! твоя девушка в тоске,
Тебе верит больше, нежели себе.
Знать, злосчастливым нам такой уже талант —
Не делясь душой, делиться ввек житьем;
Знать, затем-то в зеленом у нас саду
Два цветочка одиночкою росли,
Одним солнышком и грелись, и цвели,
Одной радостью питались на земли,
Чтобы ветры их далеко разнесли,
Чтобы в разных рассадить их сторонах,
Чтоб на разных вдруг засохнуть им грядях!
У них отняли последню радость их,
Чтобы вместе горевать и умереть.
Поздно, миленький, на родину придешь,
Поздно, солнышко, на гроб ты мой блеснешь!
Я найду уже другого жениха,
Обвенчаюсь со смертью без тебя,
Сам ты нехотя меня сосватал с ней!
Приди, милый друг, к могиле ты моей!
Ты сорви цветок лазоревый на ней;
Он напомнит, как цвела я при тебе,
Ты оттудова поди в темны леса,
Там услышишь ты кукушку вдалеке:
Куковала так злосчастливая в тоске;
Горесть съела всю девичью красоту;
Сердце бедное слезами истекло.
Как подкошенна травинушка в лугу,
Вся иссохла я без милого дружка!
Место всякое — не место для меня,
Все веселья — не веселья без тебя.
Рада б я бежать за тридевять земель,
Но возможно ли от сердца нам уйти?
Но возможно ли от горя убежать?
Оно точит стены каменны насквозь,
Оно гонится за нами в самый гроб!
Девки просят, чтоб не выла я при них:
«Ты лишь портишь наши игры, — говорят, —
На тебя глядя, нам тошно и самим!» —
Ах! подруженьки! вы не жили совсем!
Вы не знаете, и дай, боже, не знать
Горя сладкого, опасного — любить!
Ваше сердце не делилось ни с кем;
В моем сердце половины целой нет!
В моем милом я любила этот свет!
В нем одном и род, и племя всё мое,
В нем одном я весела и хороша,

Без него, млада, ни людям, ни себе.
Ах! когда вы что узнаете об нем,
Не таитесь, добры люди, от меня;
Уж не бойтесь испугать меня ничем!
Вы скажите правду-истину скорей;
Легче, зная беду, однажды умереть,
Чем, не зная ее, всечасно умирать.

<1805>

* * *

Ах, девица-красавица!
Тебя любил — я счастлив был!
Забыт тобой — умру с тоской!
Печальная, победная
Головушка молодецкая!
Не знала ль ты, что рвут цветы
Не круглый год, — мороз придет...
Не знала ль ты, что счастья цвет
Сегодня есть, а завтра нет!
Любовь — роса на полчаса.
Ах, век живут, а в миг умрут!
Любовь, как пух, взовьется вдруг:
Тоска — свинец внутри сердец.
Ахти, печаль великая!
Тоска моя несносная!
Куда бежать, тоску девать?
Пойду к лесам тоску губить,
Пойду к рекам печаль топить,
Пойду в поля тоску терять,
В долинушке печаль скончать.
В густых лесах — она со мной!
В струях реки — течет слезой!
В чистом поле — траву сушит!
В долинушках — цветы морит!
От бабушки, от матушки
Скрываюсь, шатаюсь.
Ахти, печаль великая!
Тоска моя несносная!
Куда бежать, тоску девать?

<1806>

ОЖИДАНИЕ

Тошно девице ждать милá друга,
Сердце, кажется, хочет вырваться;
К нему тайный вздох, к нему страстный взор,
К нему встречу вся лечу мыслями.
Ах! катись скорей, ясно солнышко,
Катись радостью по поднёбесью.

В шатре утреннем народился день,
Красно солнышко полпути прошло:
В высоте своей величается,
Милый друг ко мне не является...
Ах! катись скорей, ясно солнышко,
Катись радостью по поднёбесью.

Вот и красный день ближе к вечеру,
И стада бегут с зеленых лугов,
И заботы все от людских сердец:
Не бежит тоска от души моей.
Ах! катись скорей, ясно солнышко,
Катись радостью по поднёбесью.

Солнце к западу тихо клонится,
Там прохлада ждет его в облаке,
Там погасит оно жар полуденный;
А кто может любовь угасить в груди?
Ах! катись скорей, ясно солнышко,
Катись радостью по поднёбесью.

Тени вечера потянулись с гор,
Вкруг чернеет лес...
Голос дал соловей в роще липовой.
Ах! нет, нет! это голос милого.
Ах! катись скорей, ясно солнышко,
Катись радостью по поднёбесью.

Тени мирные рощи липовой,
Разделитесь и сомкнитесь!
Примечайте вы друга милого;
Вечер этот мне веселее дня,
Закатися ты, ясно солнышко,
Почивай себе в ложе облачном.

СОЛОВУШКО

Для чего летишь, соловушко, к садам?
Для соловушки алеет роза там.
Чем понравился лужок мне шелковóй?
Там встречаюсь я с твоею красотой.

Как лебедушка во стае голубей,
Среди девушек одна ты всех видней!
Что лань быстра, златорогая в лесах,
С робкой поступью гуляешь ты в лугах.
Гордо страстный взор, разбегчивый, блеснул;
Молодецкий круг невольно вздохнул,
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчут: для кого цветет она?
Наши души знают боле всех людей,
Наши взоры говорят всего ясней.
Но когда, скажи, терпеть престану я?
Дни ко мне бегут, а счастье — от меня.
Пусть еще я не могу владеть тобой,
Для чего же запретил тиран мне злой
Плакать, видеться с красавицей моей?
И слезам моим завидует, злодей!

* * *

Под березой, где прозрачный ключ шумит,
Добрый молодец задумавшись сидит,
Не один сидит, с товарищем, с тоской,
Преклонясь на белу ручку головой.
Всё встречало, привечало всё весну,
Не встречал, не привечал один весны;
Возрыдавши, слово молвил про себя:
«Лиля! Лиля! чем уверить мне тебя?
Долго ль будешь ты коситься предо мной?
То неверен, то коварен, то я злой.
Твоему ли сердцу ведать, Лиля, страх?
Посмотри: там блещет речка в берегах;
Волны тихо ловят друг друга, катясь,
От любви или от злости эта связь?
Там воробушки кружатся и шумят,
Злой ли умысел заставил их играть?
Там, висясь, два ручейка среди лугов
Друг от друга хоронились меж цветов;
То сближались, то скрывались тотчас,
Дружка дружку обходили много раз.
Луг просторен, всем раздолье — веселись,
Но наскучило кружиться им — слились!
Слившись, милые, расстались ли когда?
Вместе скачут, вместе резвятся всегда!
Я заметил, что однажды вечером
Ты, смотря в ручей, закрылася платком!
Грустно стало, любовалась ты на них:
Чем завидовать, счастливей будем их!»

* * *

Мой безмолвный друг, опять к тебе иду,
Мой зеленый сад, к тебе тоску несущу!
Ровно три весны встречал ее с тобой,
Не пленяя меня и нынешней весной.
Без любезной, без жестокой мне не жить!
Я иду к тебе с могилой говорить!
Неужели и она мне жестока?
Здесь дрожащая отшельника рука
Близ беседки пусть посадит на гряде
Лишь подсолнечник, пример моей беде!
Пусть в глазах моих подсолнечник растет:
Для любви своей, для солнца он цветет.
Целый день кружится, беденький, за ним;
Он и зреет, он и сохнет только им.
Ах! какого же дождешься ты конца?
Без отрады гаснет ясный цвет лица,
Птицы выключают все зернышки долой,
Ты приклонишься один к земле сырой,
Ветер бурный сломит нежный стебелек,
И не спросят: что твой друг к тебе жесток?
Солнце красное высоко, далеко,
А подсолнечник в долине глубоко!

РОМАНСЫ

ОБ НЕЙ

Чего желал, что пел, что в свете мог любить —
 Всё в ней, всё только в ней!
Чем может бог одних счастливых наградить —
 Всё в ней, всё только в ней!
Как легкий, томный сон, беды мои прошли,
 Всё чрез нее и с ней!
Я счастья искал напрасно на земли:
 Ах! счастье только с ней!
Кому всю жизнь свою охотно я отдам,
 Всё ей, всё только ей!
Когда добрее был к несчастным, к сиротам?
 При ней, всегда при ней!
Когда я выше всех: и смертных, и богов?
 Когда сажу при ней!

Я целый мир забыл: богатство, блеск чинов;
Что нужды в них при ней?
Что к счастью я рожден, что сердце я имел,
Я то узнал от ней.
В безвестности, в глуши я новый мир обрел
С одною только с ней!
О боже праведный! последний час пошли
Сперва ко мне, не к ней!
В ком ты достойнее сияешь на земли?
В душе Элизы — в ней!
Чем лучше возмогу тебе я угождать,
Как не любовью к ней?
И там, на небесах, в обители отрад,
Моя отрада в ней!

<1815>

К ЭЛИЗЕ

Когда б я был любим, о милая, тобою...
Мечта прелестная, завидный дар небес!
С подругой нежною делиться ввек судьбою,
Делиться сладостью и радости, и слез!

Когда б я был любим... певец стезею правой,
Завистников презрев, к бессмертью б воспарил!
Элизою любим, стремился бы за славой;
Элизу бы воспел и славу заслужил!

Когда б я был любим... гонимый с сиротою
Спасителя во мне и брата бы сыскал!..
И мне ль недобрым быть, любимому тобою?
Мне ль благости не знать, когда тебя узнал?

Когда б я был любим... сокройте, сны златые:
Богатства, суеты, фортуна, мир забыт!
Свобода и любовь — цари мои земные!
В них счастье, а без них и счастье — ложный вид!

Но что, безумец, я — какой пленен мечтою?
Надежда, удались! Мне ль радостей искать?
Другому быть твоим, другому жить тобою!
А мне... о призраке погибшем унывать!..

<1808>

* * *

В чем я винен пред тобою,
Чем тебя я прогневил?
Разве тем, что всей душою
Я жестокою любил?

Сила страсти — бога сила!
Можно ль ей противустать?
Так судьба уже судила —
Мне, узнав тебя, страдать!

Но, в тоске бесплодной ноя,
Чем тебя я оскорбил?
Отказавшись от покоя,
Твой покой не нарушил,

И наружности смущенья,
Слова, взгляду при тебе
Из душевного почтенья
Не позволил я себе.

Роща дальняя внимала
Злополучной страсти глас,
Ночь печальна примечала
Слезы горькие из глаз.

Не надеясь наслаждаться
Чувством нежности твоей,
Мне осталось лишь питаться
Скрытой горестью своей.

В томном страсти упоенье
Я вселенную забыл;
Наяву и в сновиденье
Лишь тебя в ней находил.

Образ милый твой скрывался
В тайне сердца моего:
Всякий дар небес казался
Даром сердца твоего.

Ты в луне мне сострадала,
Краше солнышко тобой,
Ты мне прелесть показала
Добродетели самой.

Без тебя я был с тобою,
Чувство, мысль твою делил;

Я мечтал, что надо мною
Кроткий гений твой парил,

Вот страдальца наслажденья!
Хочешь — всех меня лишай.
Вот мои все преступленья;
Будь безжалостна — отмщай!..

Позабудь меня, жестока,
Запрети себя видать;
Но какая сила рока
Запретит мне обожать?

Чувство сладостно, отрадно,
Существо души моей!
Под землею разве хладной
Ты исчезнешь вместе с ней.

<1810>

* * *

Тихий, нежный ветерочек,
Не от Лизы ль ты летишь?
Флоры миленький дружочек,
Не со мной ли говоришь?

Сердце слышит, сердце знает:
Не обманешь сердца, друг!
Отчего ж оно страдает,
Отчего уныл я вдруг?

Отчего твое дыханье,
Как дыхание любви,
Возбуждает тоскованье
И волнение в крови?

Ты для всех несешь прохладу,
Для меня ужасный зной;
Всем приносишь ты отраду,
От меня бежит покой.

Как волшебник злой, мечтами
Окружаешь ты меня,
Шепчешь тихо за кустами,
Слышу голос тихий я!

Там листья затрепетали,
Не она ль ко мне идет?

Пал цветочек — не она ли
Мне, подкравшись, подает?

Всё согласно здесь с тобою
На полях среди лугов;
Само небо теплотою
Всё твердит мою любовь!

Про нее деревья нежно
Разговор с собой ведут,
Про нее ручей любезный,
Птички про нее поют.

Я вздыхаю, я томлюся,
И люблю вздыхать, тужить;
Я веселым быть кажуся,
А хотел бы слезы лить.

Не хочу, чтобы со мною
Стал об нас кто вспоминать;
А вспомянут — рвусь душою,
Если мало говорят!

Расскажи мне, друг любезный,
Отчего не волен я
Удержать стремленье слезно,
Отчего тоска моя?

Тихий, нежный ветерочек!
Так, от Лизы ты летишь!
Флоры миленький дружочек!
Так, со мной ты говоришь!

* * *

Жестокою судьбою
От милой удален,
Я строю томну лиру,
К разлуке осужден.

Услышишь ли, Надина,
Унылый голос мой?
Душа моя трепещет,
Беседуя с тобой.

Тебя ли призываю
Или уж тень твою?
Желаю и страшуся
Узнать судьбу свою.

Пловец в пучине бурной
Хоть смерть свою и зрит,
Последнею минутой
Еще он дорожит.

Надежду созерцает
Он в гибели самой,
К ней руки простирает...
Вот бедный жребий мой!

О благость провиденья!
Ему ли нас забыть!
Оно не даст мгновенья
Тебя мне пережить!

Когда от счастья прежде
Не мог я умереть,
Так ныне жить мне должно,
Чтобы с тобой терпеть!

Страдать с моей Надиной,
О сладостная часть!
Не может сей отрады
Похитить злобных власть!

Смотрите, как вы слабы!
Разлуке ль запретить
Сердцам соединенным
Друг с другом говорить?

Она везде со мною:
В безмолвный нощи час
Я пью ее дыханье,
Я слышу милый глас!

Ее целую слезы;
На сердце каплют мне
Любви нежнейшей слезы!
Сколь пламенны оне!..

Надина! ободримся!
Что отнято у нас?
Ужель не в нашей воле
Последний жизни час!

Надина! там блаженство,
Там счастливы душой!
Там нужно только сердце,
Чтобы владеть тобой!

Не слава там, не знатность,
Не пышны имена,
Не гордых предков титлы,
Нужна любовь одна!

Не хладный предрассудок
Там будет нам судья:
Прижавши руку к сердцу,
Ты скажешь: я твоя!

<1815>

* * *

Меня любила ты — я жизнью веселился,
День каждый пробуждал меня к восторгам вновь;
Я потерял тебя — и с счастьем простился:
Ах, счастьем моим была твоя любовь!

Меня любила ты — средь милых вдохновений
Я пел прекрасную с зарею каждой вновь;
Я потерял тебя — и мой затмился гений:
Ах, гением моим была твоя любовь!

Меня любила ты — я добрым быть стремился,
Искал несчастного, чтоб дать ему покров;
Я потерял тебя — мой дух ожесточился:
Добротою моей была твоя любовь!..

<1806>

* * *

Кому страдать, крушиться
Назначено судьбой,
Тот должен в свет родиться
С чувствительной душой.

Дар пагубный и милый,
О сердце, жертва бед,
До самыя могилы
Тебе покоя нет!

Весь мир за рай считая,
Ты льстишь себя мечтой;
Но миг... и светлость рая
Исчезла пред тобой.

Дыша любезным чувством,
Друзьями всех зовешь;
Но все друзья с искусством,
А ты простяк слывешь!

Любовь зовут отрадой
Всех горестей земных;
Но что ж любви наградой?
Собор мучений злых!

Я с сердцем — там притворство;
Я плачу — тамо смех,
Измены, вероломства!
Игрушкой будь у всех.

Любимый даже страстно,
Как дерзостный пловец,
Ждет бури повсечасно:
Любовь есть вихрь сердец!

Единый взгляд смущает;
Но взгляд — и счастья луч!
Ах, солнышко сияет
Над ним всегда из туч!

Невольник поздно ль, рано ль
Плен тяжкий сокрушит;
Я сам себе тираном,
Свобода мне не льстит!

Холодность, дар ничтожный!
До смерти мертвым быть!
Страдать, хоть горько, можно —
Не можно не любить!

Друзья! как скоро боги,
На жалость преклонясь,
За слезы, бедства многи
Пошлют мне смертный час, —

Здесь друга положите,
Здесь я тоскою жил;
На гробе надпишите:
«Несчастный! он любил!»

К МОЕЙ Л. В—НЕ

Простите, обольщенья
Честей, земных сует,
Златые заблужденья
Незрелых, пылких лет!

Навек, навек простите!
Узнал обман и — рад!
Ах, чем вы замените
Один любви взгляд?

Довольно я скитался;
Я видел хитрых, злых,
Кумирам поклонялся,
Игрушкой был слепых.

Любовь! клянусь отныне
Ты всё мне — весь я твой!
Благодарю судьбине,
Хранитель ангел мой.

Пускай честями, славой
Пленяется гордец;
Пускай ему с отравой
Приносит жертвы льстец.

Одно твое мне слово
Дороже хвал царей;
Оно стремленье ново
Дает душе моей!

Не роскошь и не пышность
Со счастьем живет:
Блестящая излишность —
Покров коварный бед.

С природой, с простотою,
С любовью будем жить;
Над жизнью городской
Тихохонько шутить.

Чертог богатством блещет;
Но в светлой клетке сей
Богатый сам трепещет
Об участи своей.

Ты все мне: честь, награда,
Богатство ты одна;

В несчастиях отрада,
А счастья ты вина.

Так! сладко жить мы станем,
Последний встретим час!
С любовью увянем,
Любовь пробудит нас.

<1815>

К АРФЕ,
ОТПРАВЛЯЕМОЙ В ДЕРЕВНЮ

Арфа, милый друг Всемилы,
Ты повсюду вместе с ней.
Повтори мой глас унылый
И простись с тоской моей!

Мне тебя не слышать боле,
Мне Всемилы не видать;
Кто с печальным в тяжелой доле
Грусть захочет разделять?

Прежде, счастливый тобою,
Я отраду находил;
Чрез тебя с моей душою
И Всемилой говорил.

Здесь я весь одним был слухом,
Здесь не смел, не мог дышать;
Здесь восторга полным духом
Мог я счастье понимать!

Здесь при звуках страсти нежной
Страсть в самом себе читал;
Против воли взор сей слезный
Тайне чувства изменял.

Как живые струны, билось
Сердце нежное во мне:
То играло, то крушилось,
В быстром таяло огне.

О минуты наслажденья!
Навсегда ль вы протекли?
Сладость, сладость заблужденья,
Цвет неверный на земли!

Оживись моей тоскою,
Арфа, стон мой повторяй!
Скорбный гений мой с тобою
Полетит в далекий край.

В час печальный прикоснется
Он к немой твоей струне;
Как от ветра, звук проснется
И напомнит обо мне.

Может быть, сама Всемила
То услышит и вздохнет,
Неизвестных чувствий сила,
К арфе дружба приведет.

Заиграет... звуки! томно
Лейтесь горестью моей;
Объясните тихо, скромно,
Как страдаю я без ней!

Птички, рощицы игривы,
Замолчите... песнь скучна,
Вы любимы, вы счастливы —
Здесь грустит любовь одна!

Но, когда в часы отрадны
Персты мчатся на струнах,
Тоны резвы, пережатны,
Лейтесь в вихре и громах!

Пусть тогда она не знает,
Что я жил, что вижу свет;
Пусть ничто ей не мешает,
Пусть всё радостью цветет!

Арфа, милый друг Всемилы!
Будь веселием для ней;
Не втори мой глас унылый
И простись с тоской моей!

* * *

Коль сердце сердцем может жить,
Коль благо жизни их слиянье,
Ах! что ж должна разлука быть?
Разлука — тяжкое страданье!
Любя, любезной не видать —
Стократ день каждый умирать!

Бывало... сладкий, милый час —
Дар неба всякое мгновенье!
Чудесна прелесть страстных глаз,
Безмолвно взоров изъясненье!
Любя, любезной *и пр.*

Сидеть одним, играть, шутить,
Душа душою веселиться,
Сердцами слушать, говорить
И не уметь наговориться.
Любя, любезной *и пр.*

Одна рука в руке другой,
Прокравшись, с трепетом касались;
Вздымалась бела грудь волной,
И взоры тихо опускались!
Любя, любезной *и пр.*

Пылал огонь в лице, в крови,
В глазах томленье омоченных!
О нежный поцелуй любви!
О слезы, рай обвороженных!
Любя, любезной *и пр.*

Веселье, горесть, слезы, смех,
Минуты спора и согласия —
Всё было мне виной утех,
Всё было мне виною счастья!
Любя, любезной *и пр.*

Где вы, о спутники любви,
Размолвка, гнев и подозренье,
И ревность нежных души,
И ты, друг-радость, примиренье?
Любя, любезной *и пр.*

Теперь тоской сретаю день,
Тоскою день я провождаю.
Вспоминанье, блага тень,
Тобой любовь мою питаю!
Любя, любезной *и пр.*

Как ночь взойдет на небеса,
Я часто, обольщен мечтою,
Тебя зрю, милая краса!
Проснусь — нет призрака со мною!
Любя, любезной *и пр.*

Вот локон здесь твоих волос,
Вот что осталось от прекрасной!
Немой свидетель горьких слез,
И ты мне мукой стал ужасной!
Любя, любезной не видать —
Стократ день каждый умирать!

<1815>

РАЗЛУКА

Минута грозная настала!
О Лила, о мой друг, прости!
Почто не смерть судьба сказала?
Скорее смерть могу снести!
Скорее миг уничтоженья,
Чем жизнь, исполненну мученья.
Мой друг!.. Но в дальней стороне
Ты и не вспомнишь обо мне!

Душа, томимая тоскою,
Не найдет места для себя!
Как ей, живущей лишь тобою,
Как можно не искать тебя?
Она твой спутник невидимый,
Везде с тобой неразделимый.
А ты в далекой стороне
Уже не вспомнишь обо мне!

Скитаясь по полям, унылый,
Я передам всему тоску:
И рощи говорят о милой,
И камни сетуют со мной,
И утро грусть мою застанет,
И вечер в грусти же увянет!
А ты в далекой стороне
Уже не вспомнишь обо мне!

Как месяц встанет из-за рощи,
Пойду на холм, знакомый нам;
Одеянный мечтами ночи,
С слезами обращуся к вам,
Минувши дни очарований!
О, сколько сладких воспоминаний!
А ты в далекой стороне
Уже не вспомнишь обо мне!

Теперь, я думать стану в скуке:
Она окончить путь должна;

Теперь сгрустилось ей в разлуке,
Летит ко мне... близка она!..
Простите, сладкие мечтанья!
Не лейтесь, слезы ожиданья!
Напрасно: в дальней стороне
Она не вспомнит обо мне!..

Дай бог, чтоб ты не знала вечно
Страданий, кои я терплю!
О друг мой, друг бесчеловечный!
Люби, как я тебя люблю...
Тогда познаешь сердца муки,
Тогда не вынесешь разлуки,
Тогда... но в дальней стороне
Ты и не вспомнишь обо мне!

<1815>

* * *

Прости, любовь! Конец моим мученьям!
Что пользы мне для слез, для горя жить?
Я жертвой был измене, обольщеньям;
Прости, любовь: пора свободным быть!

Так я мечтал, надеждой веселился,
Спокоен, тверд, в сердечной тишине:
Чего робеть? я с Лизой разлучился;
Амур-дитя — оно не страшно мне!

Но грозный бог не терпит оскорбленья,
Уже летит, к отмщенью воспален;
Берет стрелу, я смело жду сраженья,
И злой удар на время отражен.

«Не торжествуй! — сказал мне раздраженный. —
Мой гнев везде, всегда готов карать!
Достойну казнь получит дерзновенный,
Кто смел, кто мог Амура презирать!» —

«Пустое, друг! теперь тебя я знаю:
Какого ждать от мальчика вреда?
Амур, Амур! тебя я презираю,
Твоим рабом не буду никогда!» —

Как тихий ключ, здесь жизнь моя катилась!
Но долго ль? Ах! что верно на земли?
Сегодня ты, Элиза, мне явилась,
И все мечты, как легкий сон, прошли!

Взвился Амур, победою гордится,
С улыбкой зрит на тайный пламень мой.
«О слабый бог! стыдись чужим хвалиться!
Какая честь тебе при помощи такой?»

РАЗГОВОР
ЛЮБОВЬ И Я

Я

Жестокая любовь, вина моих мучений!
Тебе дерзаю принести
Печальные плоды твоих же вдохновений.
Прими и освяти.

Любовь

Благих даров своих себе не возвращаю.
Несчастный, верный друг! мне дорог твой покой, —
Кто заставлял тебя знакомиться со мной?

Я

Кто? нужно ль вопрошать!.. Я сердцем это знаю!

Любовь

Почто же ты не к ней дары свои принес?

Я

В них очень много слез!
О мать сладких чувств, не ты ль мне указала
Ее прелестных дней печалью не смущать?
Беседуя с тобой, при ней могу молчать!

Любовь

Но разве гордая тебя не понимала?
Но разве сердца в ней для нежной страсти нет?
Кто смеет презирать мои уставы?

Я

Свет!
Обычай, моды, лесть...

Любовь

Ах! что я стала ныне?
Но прочь отчаянье! Неси твой дар скорей
Той, коя правит всем, той, коя всех сильней —
Таинственной судьбине!

К

Лизета, что в искусстве
По моде жить, пленять?
Ах! чувство может в чувстве
Себя лишь награждать!

Все знают, ты прекрасна,
С тобой собор утех;
Но можно ли всечасно
Любезной быть для всех?

Ах, сердца поневоле
Не станет для всего!
Поверь, не можно боле
Любить, как одного!

Тебя хвалы пленяют,
Прелестники кругом
Твой взгляд предупреждают,
Но что же пользы в том?

Ах, Лиза! может статья,
Успеешь ты открыть,
Что милой всем казаться
Не есть еще любить.

Так! ныне все влюбились,
А нет совсем любви!
Все мучатся, вскружились,
А вечный лед в крови!

Играющий с тобою
Вертявый селадон
Гордится — чем? — Собою,
Что занял Лизу он.

Тебе самой нет нужды,
Ты рада с ним шутить;
Тебе все люди чужды,
Лишь только б говорить.

Несчастлив тот, кто любит
По сердцу своему;
Он свой покой лишь губит,
Смеются все ему.

Страсть сердца ныне стала
Искусством для людей;
Она не умирала
В одной душе моей!

Тебя я, Лиза, знаю!
Я ангела любви
В Лизете обожаю,
Ты бог мой на земли!

Но что ж сказать? — Лизета
Умеет только жить
Для лести и для света.
Как мне тебя любить?

РОБОСТЬ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Ясный месяц! не сияй,
Как пойдет ко мне любезный;
Любопытство усыпляй
В мраке ночи безмятежной!

Ясный месяц! не сияй;
Ах! я глаз своих боюсь!
Как взглянуть? О чувствий рай!
Неравно проговорюсь!

Ясный месяц! не сияй,
Если будем целоваться!
Он сказал: я честен, знай!
Верю... но боюсь свыкаться!

Ясный месяц! не сияй,
В час печальный разлученья.
Сердце бедно, не страдай!
Друг, не чувствуй ты мученья!

Ясный месяц! не сияй!
Как он станет возвращаться,
Пусть... но вот он! поспешай!..
Нет, укроюсь... где деваться?

ОЖИДАНИЕ ЛЮБЕЗНОГО

Где ты, в какой земле, в каких странах безвестных,
Неразделяемый навек с моей душой?
Где ты, мечтаний бог, и томных, и прелестных,
Всегда присутственный, но, ах! незримый мной?

Напрасно страстна мысль вослед тебе стремится,
Желанье на крылах летит из града в град;
Ах, сердце трепетно напрасно суетится
Отгадывать в мечтах твой радостный возврат.

Нетерпеливая, стараюсь я напрасно
Услышать, где мой друг, куда послать мой вздох.
Так странник в тьме лесов, в час вечера ненастный,
Дорогу потеряв, на влажный падши мох,

Внимательный свой слух на каждый шум склоняет,
В малейшем шорохе мнит друга он узнать,
И всякий свет вдали вождя ему являет;
Но миг — и свет угас, и шума не слышать!

Всё глухо, вести нет, и все покрыто тьмою!
Отчаянной душе всё чуждый, мертвый вид!
И пламенник любви не светит предо мною,
И луч надежды мне стези не озарит!

Отдайте мне его, о боги моря, неба!
О рощи и поля! отдайте мне его!
Весна прелестная, дочь пламенного Феба,
Приди и возврати полсердца моего!

Зефиры кроткие! хоть раз об нем шепните!
Носитесь перед ним и ускоряйте путь!
Умершим вы полям вновь жизнь и цвет дарите:
Ах, влейте жизнь в мою отчаянную грудь!

Амур, всеильный бог! к тебе, к тебе взываю!
Найди жестокого и власть свою яви,
Влей в дух его тоску, которой я страдаю,
Дай чувствовать ему мучения любви!

Расторгни все его держащие препоны,
Плени его, влеки, дай крылья ты свои,
Дай нежность нежности забывшему законы
И возврати опять мне радости мои.

<1815>

ДУЭТ

*На голос известной
малороссийской песни
«Ихав козак за Дунай...»*

Первый голос

В час разлуки пастушок,
Слезный взор склоня в поток,
Говорил своей любезной:
 «Нет, тому не быть!»

Нет, не будешь ты моя:
Ты богата — беден я.
Будь счастлива, будь спокойна;
 Пусть один терплю!»

Второй голос

На любезного взглянув,
Страстно, сладостно вздохнув,
Так пастушка отвечала:
 «Нет, тому не быть!»

Нет! ты мой, и навсегда!
Бедность, друг мой, не беда.
Кто богат, как мы, любовью,
 Тот и всем богат!»

Первый голос

Ах! безроден я и сир,
Дом и двор мой — целый мир.
Что же добры люди скажут
 О любви твоей?

Второй голос

Люди знают лишь бранить,
А не знают, как любить.
Мне не нужны род и племя —
 Нужен ты один!

Первый голос

В счастье ты теперь живешь,
Горе ты со мной найдешь;
Тяжко плакать, но тяжеле
 Быть виною слез!

Второй голос

С другом горесть мне сладка!
Радость без него горька;
Мы смешаем наши слезы,
И беда пройдет!

Первый голос

Я не знал, что василек,
Что нарцисс, что ноготок,
А любил уже для милой
Собирать цветы!

Второй голос

Я не знала наших стад,
Сколько мой отец богат;
А тогда уже любила
Плесть тебе венки!

Оба

Для тебя мне жизнь мила,
Красен день, цветет земля;
Для тебя дано мне сердце,
Верное навек.

Для чего ж так рано нам
Приучать себя к слезам?
Сладко, друг мой, жить с тобою,
Сладко умереть!

<7806>

ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ?

Жизнь смертных — тяжелое бремя,
Страдание — участь людей.
Надейся на будущее время,
И слезы украдкой лей.

Печали везде за тобою,
Готовься, хоть рад, хоть не рад!
Не волен ты сам над собою:
Споткнешься в дороге стократ!

Пусть так, но и дружба чувство —
Утеха сердцам молодым.

Ах! дружба — придворных искусство:
Мы часто обмануты им.

Коль выгоды видят — ласкают,
Нет выгоды — знать не хотят.
Царей и вельмож презирают,
Как скоро пропал их парад!

«Любовь — утешенье несчастным!» —
Так думали люди всегда.
Ах, можно ли верить прекрасным?
Им верить, не верить — беда!

Кто любит несложно, сердечно,
Насмешки, мученье найдет.
Живущий без страсти, беспечно,
Не дышит, но камнем живет.

В вельможи хотите добиться?
Но что же вам прибыли в том?
Вельможе почасту не спится:
Став знатным, он стал всем врагом.

Сегодня, как башня, возвышен,
А завтра — на улице прах;
Сегодня величествен, пышен,
А завтра — лежит на Филях!

Ученый ученьем гордится,
Но где же? — В передней глупцов!
За дальние сферы стремится,
А дома — не видит углов!

Все мудрые вольности дети;
А в них-то и низость, и бой,
Друг другу коварство и сети!
С слепыми сам будешь слепой.

Герой на войне погибает
За странное слово — за честь!
Минута — он всех поражает;
Минута — к жене его весть:

«Супруг твой погиб на сраженьи!»
Скажите ж, чего он искал?
О, ложных честей обольщенье!
Все ровны: кто бил и кто пал!

Богатый для светлого злата
Полвека и полз, и не спал.

Какая же низости плата?
Златым истуканом он стал.

На карты, на вина, на пиво,
Всемощный, он таксу дает;
А сердца заботам — о диво! —
Он таксы прямой не найдет.

Друзья! от чего мир негоден,
По той же причине хорош.
Здесь всякий на выбор свободен:
Что сеешь, то ты и пожнешь.

Ни знати, ни злата, ни власти!
Нам бог не хотел даровать,
Но вместе нам не дал и страсти
Излишнего в жизни желать.

Он дал нам спокойство и скромность,
И маленький ум для себя,
Веселья и горести томность, —
Немного дала нам судьба!

Он дал нам бесценную радость —
Немное вместе делить,
И сильным безвестную сладость —
В посредственном всё находить.

О братья, сплетемся руками!
Пойдем в предназначенный путь!
Когда ж утомимся играми,
Он даст нам могилу заснуть.

Для будущей жизни прекрасной
Там те же вам чувства питать;
Там станем, как здесь, мы согласно
Одною любовью дышать.

<1808>

ПИР

В шумном обществе гостей
Много басен и речей,
Комплименты, каламбуры,
Милы шуты, милы дуры.
Друг-хозяин! я — русак,
И не знаю жить кой-как.

Извини — где прислонюсь,
Никому не полюблюсь;
Не хочу я делать скуки;
Дай мне угол, трубку в руки.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там кричат: «бостон, мизер!»
Там кричат: «я кавалер,
Видал много битв и крови!»
Там вздыхают от любви.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там, в кружке молодых зевак,
В камнях, золоте дурак
Анекдоты повествует,
Как он зайцев атакует.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Тамо старый дуралей,
Сняв очки с своих очей,
Объявляет а важном тоне
Все грехи в Наполеоне.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там кокетка, удалясь,
Испытует нову связь;
В тот же миг двоих лаская,
Кажет им мечтанья рая.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там ученых шумный круг
Оглушает ум и слух
Энтимемой и соритом,
Сеет мудрость редким ситом.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Красны девушки, сюда!
После плясок и труда
Отдохнуть ко мне склонитесь
И Орфею улыбнитесь.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Я не чуждый вам певец,
Знаю тайну всех сердец,
По глазам читать умею
И сказать вам: не сробею.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Где любовь и где вино,
Там согласие одно.
Добродушие и радость,
Тамо искренности сладость.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Вижу Феба. Он ко мне
Сходит в важной тишине.
«Пусть Элиза, — он вещает, —
Вместо всех тебя венчает».
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

<1807>

СТАРИК

Я старик — и наслаждаюсь,
Вкруг меня мои друзья,
Поздним веком утешаюсь,
Средь друзей любезен я.
Все по сердцу мне родные,
По душе — мои друзья,
Хоть и волосы седые,
Но средь них любезен я.

Там, где молодость и старость,
Там и радость и любовь,
Хоть уже не греет радость,
Не играет уже кровь,
Хоть со всем уже простился
И любовь прошла моя,
С дружбой я не разлучился,
И средь милых мил и я.

Что ж меня к ним привлекает?
Я и стар, и небогат,
И ливрея не блистает,
И не выйду я в парад.
Через меня ни места, чина
Невозможно уж достать,

И на помощь господина
Не могу другим сыскать.

Скажут: он всегда лишь дома,
За бостоном всё сидит.
Что ж худого, кто без грома
Весь свой век умел прожить?
Никому не досаждаю,
Ни об ком: не говорю;
Хлопотами не скучаю
И злословьем не морю.

Нужды нет мне до наборов
Доброму царю солдат;
Без разборов и без споров
Представлять солдата рад.
Дети отчества! служите
Вы отечеству душой!
Вот завет его, примите
И храните наш покой!

А крестьяне, слава богу!
Ни к кому они нейдут;
К одному ко мне дорогу,
Как к отцу, всегда найдут.
Счастлив я: среди семейства
Благодатного живу,
Имя самого злодейства
Знаю только чрез молву.

Что осталось, тем гонимым,
Сколько можно, помогу;
Нищетой, бедой томимым
Для Христа я не солгу,
И невинным в защищенье,
Если нужно то когда,
Всем готов на поклоненье,
Всех молить готов всегда!

Друг расстроился со другом
По какими-нибудь бедам,
Иль супруг с своей супругой
Поразмолвились — я там,
Как могу, так помогаю,
Мне уже недолго жить;
Верно я лета считаю;
Ближним рад всегда служить.

Скажут: в должность не вступаю.
Мне под семьдесят уж лет!

Хоть я правду понимаю,
Но ума уж силы нет.
Тот грешит, кто принимает
Долг превыше сил своих:
Он невольно погрешает,
Он невольно жертва злых.

Боже сильный и всеведый!
Ты мне, слабому, судил
Жить, как жили наши деды,
Ты меня благословил!
Дай посредственность святую,
Дай мне сердца простоту
И любовь твою благую,
Горней жизни красоту.

К ДОБРОДЕТЕЛИ

Застольная песня. Подражание Аристотелю

О радость, о прелесть бессмертная смертных,
Добыча бесценная лет,
Предмет и награда трудов неисчетных,
От света небесного свет!
О доблесть, о дева красот неизменных,
Ты слава Эллады сынов возвышенных!

Препоны ли рока восстанут ужасны —
Ничто для плененных тобой!
Восстанут, ли злобы гоненья напрасны —
Спокойно грядем за тобой!
Ты в ужасах ночи вдвое светлее,
Ты в горе, в ненастье вдвое милее!

Пред кем трепетала и где уступила
От неба влиянная кровь,
Бессмертное семя, божественна сила,
К тебе всемогуща любовь?
Родители, други, спокойство — бесценны:
Ты взглянешь, ты скажешь — и все вдруг забвенны!

Кем пламенны были вы, отроки Леды,
И с кем Геркулес перетек
Дванадцать быстро ступеней победы?
В них видит, в них любит тебя человек!
Аякс с Ахиллесом в могилу сокрылись:
О доблесть! их гробы в алтарь превратились.

Наш добрый хозяин и ласков, и дружен;
Твой образ ему предстоит.
Он солнца не видит:* свет солнца не нужен
Тому, кто прелестную зрит.
Вся жизнь его блещет благими дарами,
И вечность богата для добрых венцами.

О памяти дщери, хвалами обильны!
Вы славите в храмах небес
Гостеприимства законы всеильны,
В которых почитет Зевес.
Да славится ж вечно песнью нелестной
Хозяина доброго пиршество честно!

Вы любите в старце сердце младое,
Веселость и резвость подчас,
Вам хлебосольство любезно златое
И дедовска верность, гость редкий у нас!
Да славится ж вечно песнью нелестной
Хозяина доброго пиршество честно!

<1811>

ВЕЛИЗАРИЙ

Малютка, шлем нося, просил,
Для бога, пищи лишь дневная
Слепцу, которого водил,
Кем славны Рим и Византия.
«Тронитесь жертвою судеб! —
(Он так прохожих умоляет), —
Подайте мальчику на хлеб:
Он Велизария питает.

Вот шлем того, который был
Для готфов, вандалов грозою;
Врагов отечества сразил,
Но сам сражен был клеветою.
Тиран лишил его очей,
И мир хранителя лишился.
Увы! свет солнечных лучей
Для Велизария закрылся!

Несчастный, за кого в слезах
Один вознес я глас смиренный,
Водил царей земных в цепях,
Законы подавал вселенной;

* Надобно думать, что хозяин дома был слепой.

Но в счастья своем равно
Он не был гордым, лютым, диким;
И ныне мне твердит одно:
«Не называй меня великим!»

Не видя света и людей,
Парит он мыслью в царстве славы
И видит в памяти своей
Народы, веки и державы.
Вот постоянство здешних благ!
Сколь чуден промысл твой, содетель!
И я — сиротка, в юных днях
Стал Велизарью благодетель!»

<1814>

* * *

Зима свой взор скрывает,
Приходит светлый май,
Долина оживает,
Процвел унылый край.

Для всех весна явилась,
Весны нет для меня:
С кем горесть подружилась,
С тем вечная зима.

Зефир утех собраньем
Других, резвясь, дарит;
Во мне воспоминаньем
Всечасно дух мертвит.

С кем, с кем весну младую
Мне встретить, похвалить?
Куда я скуку злую
И как могу сокрыть?

Я слышу, птички сами,
Мне кажется, гласят:
«Беги от нас — слезами
Ты будешь нам мешать!»

В отливах милых поле
К забавам всех манит,
Приду — и нет их боле:
Всё примет мрачный вид,

Везде брожу унылый,
Тоской душа полна,

Дышу одной Всемилой;
Мне жизнь без ней скучна.

Здесь всё, и самый камень,
Любовь мою твердит.
Увы! несчастный пламень
Жестокой не смягчит.

Веселья света пышны
Для ней милей всего;
Стенанья ей не слышны
И слезы — ничего.

Как будто бы не знает
Вины моих скорбей,
Холодно сострадает
Об участи моей.

Когда перед любезной
Те песенки певал,
Где чувства голос нежный,
Страсть сердца выражал,

Всемила их хвалила.
Но слава ль мой предмет?
Любовь их сочинила,
Любовь на них ответ!

Не раз весна являлась
Среди полей, лугов;
Не раз она скрывалась —
Мой жребий всё таков!

Быть может, есть искусство
Особенно пленять.
Не знаю: мне лишь чувство
Судьба хотела дать.

По сердцу верен, страстен,
Ни с кем им не сменяюсь;
Хоть счастлив, хоть несчастен,
Но сердцем я горжусь,

Есть многие умнее,
Любезнее меня;
Но кто верней, нежнее,
Кто любит так, как я?

Ах, если бы я прежде
Любви мученья знал,

Не верил бы надежде,
Свободой не скучал!

К ЭЛИЗЕ,
КОТОРАЯ СЕРДИЛАСЬ НА АМУРА

Элиза! Я в смущеньи!
Откуда гнев такой?
Против Амура мщенье?
Амур — невольник твой.

Как то виною ставить,
Что он за честь твою
Киприду рад оставить
И Душеньку свою?

Как тем лишь оскорбиться,
Что бедненький божок
В твоей уборной льстится
Иметь свой уголок?

Что славой почитает
Всегда служить тебе,
Элизу украшает,
Хотя на зло себе?

«Мне, право, всё постыло,
Покою ни часа!»
Вольно ж Элизе было
Слепцу открыть глаза!

Плутиска сей игривый,
Когда тебя узнал,
Стал тихий, молчаливый
И резвость потерял.

Всесильный бог простился
С колчаном золотым;
Зато вооружился
Он взором лишь твоим.

Элиза! Если будешь
Ты злым его считать,
То как же нам присудишь,
Как нам его назвать;

Нам, коими всечасно,
По милости твоей,
Он правит самовластно,
Как мальчик — для затей?

По вышнему уставу
Нам должно век страдать,
Элизе лишь в забаву
Лить слезы и молчать.

Я сам вчера сердился,
С Амуром в спор вступил;
Малютка прослезился
И так мне говорил:

«Ах, я и сам невинен!
Всмотрись в нее со мной!
Я бог... но я бессилен
Владеть самим собой!»

<1808>

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ

Первый голос

Приятно во брани ужасной с врагами
За отчество кровь проливать,
Приятно герою в огне, меж волнами
За веру, за правду страдать.
Он с мужеством в сердце, с булатом в руках
На быстрых усердья летает крылах.
Гремят над ним громы, — он гром презирает
И лавры зелены везде собирает.

Второй голос

Ах, страшно во брани, страшно, герои,
Там смерть и героев разит;
Лишь лютостью зверской славятся бои;
Или за убийства вам слава манит?
Там в воздухе мрачном ядра свистят,
Булатные сабли и копья блестят;
В громаде оружий герой погребенный
Истлеет, и светом и другом забвенный.

Первый голос

Бессмертных героев подвиги громки;
Их слава трубой возгласит,

Чудиться им будут поздны потомки,
И время их образ почтит.
Герои, упавши средь битв на полях,
В чувствительных вечно пребудут сердцах;
Созреют над гробом их лавры зелены,
Слезами друзей орошенны.

Второй голос

Злодейство обыкло и делом, и словом
Святому всему подражать;
И мужества, чести блестящим покровом
Себя возносить, украшать.
Герои по трупам убитых людей,
Скользя во крови, ко славе своей
При воплях несчастных сограждан стремятся,
Личиной геройства хотят украшаться.

Первый голос

Не лавры, омытые кровию смертных,
Нам имя героев дают;
Виновников зол неисчетных
По смерти потомки клянут;
Герой, кто, отечества славу любя,
В опасности бодро ввергает себя;
Средь брани кровавой брань презирает
И слезы несчастных сирот отирает.

Оба вместе

Герой, кто на брани лишь правду священну
Во сердце геройском хранит,
Кто злато, корысти и пышность презренну
Предметом геройства не чтит,
Кто наглостью, злобой рожденных врагов
Приводит в храм мира без ран и оков.
Отечеству, вере и в недрах покоя
Служить непрерывно — вот слава героя!

<1796>

НОЧЬ

Уже хаоса дочь ужасна
На тяжких крыльях, во свет
Как буря ниспустившись мрачна,
Простерла в облаках полет.

Ее одежда — тучи черны,
Усеянные тьмою звезд,
Что сыплют искры света бледны
В пространства бесконечны мест.

Летит! — и воздух страшно воет,
Гнетомый тяжестью под ней,
Размахом крыл вселенну кроет,
Мрак сыплет из своих очей;
От персей рóсу проливает,
На тучи новых горы туч
Кладет — и небо помрачает.
День кроет в Понте бледный луч.

И се, как мрачна тень, спустившись,
Подвигла маковым жезлом,
И вся природа, к ней склонившись
На лоно, спит священным сном.
Любезна тишина в долинах
Воздвигла трон свой на цветах;
Не слышен ветров вой в пустынях,
Ни рев зверей в густых лесах.

Всё спит, и в мраморе, в кристаллах
Коварство злобно мира спит
На окровавленных кинжалах
И сна в мечтах весь свет разит.
И пышность дремлет там презренна
На персях роскоши, сует;
И праздность, леность расслабленна
Болезни купно с сном пиет.

И зависть ищет там покоя,
Но, ах! покой ее бежит,
В норах себя, в пещерах кроя,
Нигде сладчайша сна не зрит.
Обвившись вокруг нее трекратно
И жало в бледну грудь вонзив,
Змей точит черну кровь всечасно,
Сей свет ей в ад преобратив.

И ты, о скупость! тамо дремлешь,
Близ идола во мгле сидя,
Малейший шум со страхом внемлешь,
Боишься света — и себя.
Ты, ты одна против природы
Клянeshь и сон, и самый день,
И сладостям драгой свободы
Предпочитаeshь гнусный плен.

Покайтесь все, или страдайте
В начало предгрядущих мук;
Из собственных здесь яд примайте,
А там суда из грозных рук.
И благо всех утех презренных
Коварным, пышным, гордым, злым
Не есть ли бездна мук несчетных?
И самый свет не гроб ли им?

Градов утехи, чести, слава
Презренных роскоши детей,
Для сердца доброго отравя,
Не льстите вы душе моей!
Прошло, прошло уже то время,
Как ваши узы я лобзал,
Носил охотно ваше бремя;
Теперь уже не ваш я стал.

И что ж вы в свете сем превратном?
Не те ль прелестные огни,
Что странник в беспокойстве страшном
Зрит на могилах в мрачны дни?
За ними следует несчастный,
Свой дух надеждой веселит
И вдруг себя в пустыне мрачной,
В жилище хладной смерти зрит.

Почто ж толико слепы смертны,
Что вас не могут познавать?
Когда ж познают, сколь вы вредны,
Почто не могут вас бежать?
Там света гордый победитель,
Который царства раздавал,
Градов и крепостей строитель
В позорном плене вашем пал.

Герой, венцом венчанный славы,
Что Рим вознес на высоты,
Отколь царям давал уставы,
Погиб средь звуков славы ты!
Несясь на гордой колеснице,
Ведя в триумфе королей,
Ты скиптр желал иметь в деснице,
Желал — и меч в груди твоей.

О юность лет моих дражайша!
Тебя возможно ль мне забыть?
Но ты была мечта сладчайша,
Что вместе с сном от нас летит.

Лишь я для света пробудился,
Блеснул мне славы метеор,
Блеснул — и, слабый, я прельстился,
Прошел моря, стремнины гор.

Колико бедствий я ужасных
Терпеть в сей жизни должен был?
Из рук свирепой смерти хладных
Я лавры рвал, себя губил.
Идущий вслед за гордой славой,
Коварства сети попирал;
Сын зависти, свой взор лукавый
Потупив, часто вздыхал.

Теперь слагаю узы света,
Теперь, в мои преклонны дни,
В сем мире не найду предмета
Любезней, кроме тишины.
А ты, тиранка легковерных,
Что за труды, за жизнь, за кровь
Нам похвалы сулишь бессмертны,
Мне что явишь в прельщенье вновь?

Все блага света — тень пустая
Противу малых благ моих.
Здесь хижина моя простая
Приятней пирамид твоих.
А там, в дали, мне неизвестной,
Я зрю туман, как некий столп
Иль занавес распространенный,
А в нем — удел мой, тесный гроб.

Несчастья света мне не страшны:
Они к спокойствию смертным путь;
Научимся из бед ужасных
Вливать себе отраду в грудь.
Жизнь нашу эта ночь являет,
Сокрыты пропасти от глаз;
Пусть добродетель провождает
Всегда во мгле идущих нас!

А вы, сыны небесна рая,
Любимцы истины святой,
Вы, коих зависть в свете злая
Под гордою гнетет пятой,
Мужайтесь, в правду облеченны!
По грозной, страшной ночи, в свет
Сын утра придет вожделенный
И вас к утехам призовет...

<1796>

РАТНОЕ ПОЛЕ

О Марс, враг мира разъяренный,
Бесчисленных виновник бед,
О ты, что в ярости надменной
Ударами колеблешь свет!
Во время мирных дней прекрасных,
Когда твой гром замолк в полях,
Яви мне браней вид ужасных
И смерть, разящую в боях!

Представь мне ратно поле страшно,
Где огонь твой лютый свирепел...
Явилось зрелище ужасно,
Покоя, жизни злой предел!
Свирепы ветры там ревели
В ущелинах кремнистых гор,
Вдали сквозь мрак огни горели,
И призраки страшили взор.

Всё поле пепел покрывает,
Без листьев лес вдали стоит,
Повсюду взоры поражает
Громад обрушившихся вид.
Стадами враны с криком страшным
Мозги терзают в черепах,
И с воем ветров преужасным
Стон слышен съединен в лесах.

Луна сквозь тучи смотрит черны
На поле ужаса и бед;
Узрев убийства неисчетны,
Бледнеет, кроет в мраке свет.
Там кровь меж трупами волниста
Течет, как шумная река,
От ней леса, гора кремниста
Краснеются издалика.

Там страшны вои раздаются
Голодных по зарям волков,
Стада близ мест сих не пасутся,
Не слышны песни пастухов.
Там всё презренно, в запустенье,
Всё кажет смерти, страха храм,
И ты, душ слабых ослепленье,
Ты, злато, в прахе тлеешь там!

А здесь громады вознесенны
Мечей, отломки копьев, стрел,

Во рвах глубоких погребенны,
Остатки видны медных жерл.
Из-под металлов, в пыль истертых,
Еще огонь бледнеющ зрим,
И из развалин, камнем спертых,
Еще взвивался черный дым.

Как бурным ветром низложенны,
Грядами дерева лежат,
Так вдруг перуном пораженных
Героев виден тамо ряд.
Иной, пронзенный, в прахе стонет,
Другой, сражен, там в ров летит,
Иной в огне свирепом тонет
И мщением еще грозит.

Внезапной молнией сраженный,
Здесь труп трепещущий в пыли,
Там руки, череп раздробленный,
Рассеянные по земли...
Могила дерзости и буйства,
Тиранства, злобы, слепоты!
Почто в свирепых страха чувства,
Почто вселить не можешь ты?

Иной, занесши меч средь бою,
Не мог удара довершить:
С оледеневшею рукою
Ужасный меч в крови лежит.
Тот, свержен со стены кремнистой,
На части камнями раздран;
Над ним виется пар волнистый,
Из теплых исходящий ран.

А там во трупах погребенный
Еще являет жизни свет,
Кровавый меч, во грудь вонзенный,
Выходит у него в хребет.
В болезни руки он ломает,
Железо ярое грызет,
Жизнь, мук лишь чувство, проклиная
И люту смерть к себе зовет.

Тот стрелы, пули смертоносны
Руками с телом вырывал,
Терпя мучения несносны,
Зубами скрежетал, взывал:
«Почто, о смерть, разить коснеешь!
О странник! коль в душе твоей
Ты любишь ближних и жалеешь,
Жизнь прекрати мою скорей».

Иной, скользя в крови, влачился,
Меж трупов брата он искал,
В груди вонзенный меч дымился,
Но сердце злейший меч терзал,
Любезный брат его сраженный —
Всей горести его виной:
Он хочет, в жизни сопряженный,
В могиле с ним лежать одной!

Нашел, близ брата стал и снова
Кровавый меч в себя вонзил;
Упав близ трупа дорогого,
Спокойно вежди он смежил.
Как будто брата познавая,
Стон издал хладный труп тогда!
Едина кровь, их омывая,
Един растит им лавр всегда.

Супруга нежная, злосчастлива,
В мгле бродит с факелом одна,
Как призрак или тень ужасна,
Томна, отчаянна, бледна,
Повсюду взоры обращает;
Ни мрак, ни ветер не страшен ей,
С спокойствием смертным пробегает
По грудам тлеющих костей.

Близ трупа вдруг окровавлена
Останавливается, дрожит,
И се, как громом поражена,
На хладный труп она летит.
«Ты здесь, ты здесь? — она вещает.
Ты мертв? возлюбленный супруг!» —
Ужасна горесть прерывает
Ее слова и чувства вдруг.

Супруг на глас супруги нежной
Померкшие глаза открыл
И, обратив к своей любезной,
Опять навеки затворил.
В лед перси, длани превратились,
И на трепещущих устах
Его слова остановились.
Он кончил жизнь драгой в очах.

«Ты умер! мне, и мне, несчастной,
С тобою равная судьба!» —
Рекла, — и, меч из ран ужасный
Извлекши, вдруг разит себя.

На труп супруга упадает,
В смешённой плавает крови.
Тут время памятник являет
Геройства, верности, любви.

А тамо мать изумленна
По грудам мертвых тел бежит;
В руке глава окровавленна,
В другой кровавый меч блестит.
«Ах! если б я могла, — вещала, —
Злодею мой урон отмстить,
То сим мечом бы доказала,
Как может мать детей любить!»

Толиких зол война виною!
Но кто нисходит там с небес,
На место смотрит страшна бою
И проливает токи слез,
В руке несет венцы златые,
Бессмертья книгу растворив,
В ней пишет имена святые,
Прославленны средь страшных битв.

Се ты, любовь, любовь священна
К отечеству, к его сынам,
Усердьем, верою возжженна,
От горних мест нисходишь к нам!
Сошла! — и мраки осветились
Блистанием лучей твоих;
Герои в небе просветились,
И возгремела слава их!

<1796>

ВЕЧЕР

Уж день бледнеющий скрывался
В багряных западных странах,
И мрак струями разливался
На голубых небес полях.
Почили бури, ветры рьяны
На лоне бездн, в утесах гор;
В морях волнуясь злато-рдяны,
Являл багровый вечер взор.
С светилом кротким дня прощаясь,
На грудь Морфея опираясь,
Во исступлении драгом
Природа нежная молчала,
Под кровом тишины дремала;

И я, простившись с быстрым днем,
С заботой алчной, суетами,
Иду кровавый пот омыть,
Горяще сердце прохладить
Покою сладкого струями.
Иду под тихий, низкий кров,
В мое жилье уединенно,
Где дружба, простота, любовь
Готовят счастье мне священно.
Не роскошь, низких душ кумир,
Не сонм утех, забав презренный,
Не сладкогласны тоны лир
Мои днесь члены отягчении
К покою будут призывать:
Улыбка дружества усердна,
Спокойна совесть, чиста, верна,
Мой рай, моих веселий мать.
Весна прекрасною рукою
Дерновый одр украсит мой,
Труд дневный позовет к покою.
Души моей тиран презлой,
О скука, фурия надменна!
Ты в час сей будешь умерщвлена,
Иссякнет яд твой для меня!
Но, ах! когда вещаю я!
Почто горячие ручьями
Стремятся слезы из очей
И сердце томное с словами
Трепещет во груди моей?
Сие ли признак счастья, свойство?
Таков, таков ли мой покой?
Терплю в день муки, беспокойство,
В ночь плакать я иду домой,
В поту, в трудах, в заботах страшных
Мне днем скучает солнца свет;
А ночью сон в мечтах ужасных
Мой скорбный дух терзает, рвет;
Что ложе кроткое, смиренно
Мое, слезами омоченно,
Сие ль завидный жребий мой?
И что ж тоски моей причина?
Ах, мысль о родине драгой,
Несчастий горестных пучина,
Протекшие златые дни,
Друзей возлюбленных лишение —
Вот лютое мое мученье!
Вот скорби лишь мои одни!
Шлем юности с меня срывая,
Железны узы налагая,
Мне время грозно говорит:

«Ты в свет вступил! терпи несчастья
И бодрствуй в бурные ненастья,
Лей слезы, рвись, так рок велит.
Склони хребет забот под бремя,
Ищи ты редко счастья семя
И на своей земле возвращай,
Себя и бурный свет познай!»
Какой урок, судьба, премена
Для нежных молодых сердец,
Для коих юность драгоценна
Была щит, мир, краса, венец!
Для коих радость усмехалась,
Природа нежна улыбалась,
Для коих жизнь — приятный сон,
Которы в сладком упоенье,
В блаженном, ангельском забвенье
Не знали к счастью препон;
Не знали, что и их мечтанье
Когда-нибудь пройдет, как дым,
И что их милое стяжанье,
Беспечность, улетит за ним?
Но, ах! Сатурн свирепый, страшный
Разит! — и под его косою
Трещит столетний дуб, ужасный,
И розы вянет жизнь драгой,
И яры бездны исчезают,
И малы реки иссякают;
Разит, ломает, рвет — и младость,
И наша младость так, как цвет,
Поблекнет, вянет, пропадет;
Исчезнет мир, спокойство, радость.
Угрюма осень жизни злой,
Шумяща влажными крылами,
Лазурный горизонт над нами
Покроет скучной, томной мглой.
Ревущи тучи бед ужасных
Примчит к нам время на крылах,
Примчатся к нам заботы алчны,
Чтобы терзать в своих когтях.
Тогда-то случай дерзновенный
Сорвет завесу с наших глаз,
И в новый свет, нам неизвестный,
Введет противу воли нас;
Введет! — и роза, цвет прекрасный,
Расти уж будет на песках,

И смертный, слабостью злосчастный
Свой строит храм — на суетах!
И я спокойствием наслаждался,
И для меня весна цвела,

Невинной радостью питался,
Природа мой покров была.
Красой своей меня пленяя
И тьмою уст ко мне вещая,
Была учитель первый мой;
Трясуща небеса громами
И море покрывая мглой,
Вещала будто бы словами:
«Смотри, вот сила, власть моя!»
Иль пламенны дожди лия,
Иль бурных вод расторгнув цепи,
Иль ветров льдистые заклепы,
Или в грудях кремнистых гор,
В кипящих адом безднах мрачных,
Между стихий свирепых, страшных
Всесильным перстом движа спор,
И, вдруг раздрав гранитны скалы
Иль взбросив горы к облакам,
Горящие рекой кристаллы
Из жерл проливши по лугам,
С ужасным треском, шумом, громом
Свершала казни над Содомом,
Трясла от страха тьму веков —
Вот месть против моих врагов!
С ударом долу повергался
И прах слезами растворял,
С ударом чтить добро я клялся
И мстящу руку лобызал.
Мой глас по рощам раздавался,
Природы в недрах отзывался,
И мой закон запечатлен.
Святая кротка добродетель,
Спокойства нашего содетель!
Тобой одной я был пленен:
Сколь мог — хранить устав твой тщился,
Где падал — слабость признавал,
Другого осудить страшился,
Простя себя — другим прощал.
Мне жизнь была — цепь услаждений,
А ты, возлюбленна страна,
Небесных образцом селений,
Была ты раем для меня!

Но, ах! всегда ль луга пестрятся
Цветами нежныя весны?
Всегда ли деревья гордятся,
В зеленый цвет облечены?
Не часто ль час иль миг единый
Труд рушит множества веков?
И ежели Сатурн несытый

В плачевный, мрачный вид гробов
Преображает горды стены
И царства, славой вознесенны, —
То храмик счастья моего,
На бурном море утвержденный,
Из ломка льда сооруженный,
Возмог ли снести удар его?
Возрел! — строенье затрещало,
Подвиглось, развалилось, пало,
Всё случай злой с землей сровнял,
И я — как будто счастлив вечно
На свете здешнем не бывал;
Иль будто в сне я скоротечном
Мечтал о днях драгих, златых,
Проснулся и — уж нету их.
Луч юности драгой, прекрасной
Исчез тогда передо мной,
В пучине некоей я мрачной
Бродил чуть с блещущей свечой;
Там страсти лютые, несметны
Змиев под видом разноцветных
Шипели, ползая в цветах;
В лазурных блещущих огнях
Мне мира суеты блистали,
Влекли к себе, меня пленяли,
И, ах! угодно так судьбам,
Я плену их поработился,
Не внял родительским слезам,
Друзей оставил — удалился,
Летел за льстивою мечтой,
Летел и не владел собой.
Увы! кто мог сопротивляться
Движеньям сердца своего?
Кто с сердцем мог своим сражаться?
Я мучусь, рвусь и — чту его!
Оно влекло меня всей силой
Досель из родины драгой;
Теперь и в сей стране постылой
Уж мучит, рвет мой дух тоской.
Уже трекратно здесь цветами
Пестрились горы и луга,
Трекратно деревья плодами
И муравой цвели берега.
Но в общей радости согласной
Не мог участвовать мой дух:
Древа, цветы и воды ясны —
Всё мрачно зрелось мне вокруг.
Печаль, что сердце мне снедала,
Казалось, весь пространный свет

Собой наполнив, помрачала.
Вот грусти моя предмет!

Священна тишина, спустися!
Простри свой жезл в поля, в луга!
Пусть сном вселенна осенится,
Престанут волны бить в брега!
Умолкнут бури разъяренны,
В утесах гор запечатленны.
Пусть всё под сенью рук твоих
Заснет на лоне безмятежном,
Пусть всё, кроме лишь мук моих!
На столп опершись безнадежный,
Что силен потрясти зефир,
Могу ль иметь я в сердце радость,
В унылой жизни — прежню сладость,
В душе смущенной — тихий мир?
И сон, несчастных утешитель,
Отрада всех, благотворитель,
И сладкий сон от глаз бежит,
Светящих теплыми слезами,
И между гордыми стенами
Любимцев счастья блажит.
Я не хочу их пышной доле
Отсель завидовать отнюдь:
Судеб покорен сильной воле,
Сношу их дар — их грозный суд,
Они беды ко мне послали
И вместе утешеньем дали
Мне слезы, силы рассуждать.
О вечер сладостный, прелестный!
Под сению твоей любезной,
Оставив шумный, скучный град,
Когда на лоно сна склонится
Возванный царь светил тобой,
Мой дух смущенный устремится
В пределы родины драгой.
Тут вспомню о друзьях я милых,
Об матери, отце моем
И в мыслях мрачных и унылых
Вздохну — и горьких слез ручьем
Я чувства сердца обнаружу.
Ты во цветы вливаешь душу,
Во перлах слез, в росе живой:
Я током слез моих омою
Растерзанную грудь тоскою,
И оживлю в ней — мир драгой.

<1797>

РОСС

Се, мощный росс, одеян славой,
В броню стальную и шелом,
Опершись на Кавказ стоглавый,
Стоит, в руках имея гром.

Дремучий лес и холм кремнистый
Под тяжкою пятой трещал,
И океан свирепый, льдистый
Другую ногу лобызал.

Стоит — и светлый взор вперяет
России в недра дорогой,
Где мир и счастье процветает,
Его ограждены рукой.

Он внемлет радостные клики
Усердных отчества детей;
Он видит восхищенные лики,
Поющи радость мирных дней.

Геройска, тверда грудь мягчится,
Слеза из глаз его катится,
В восторге он перун трясет:
«Кто мир нарушить их дерзнет?»

Я грудь кремнистую поставлю,
Подвигнусь — и весь свет заставлю
Пред взором трепетать моим!»
Изрек — эгид свой преклоняет,
Им всю Россию осеняет,
Как будто облаком златым.

<1797>

ГЕНИЙ ДРУЖЕСТВА

О гений дружества священный!
О услажденье наших дней!
Друг мира, гений вожделенный,
Услыши глас души моей!

Ты к смертным, зол во облегченье,
Снисшел с превыспренных небес;
Влил в души к тишине стремленье
И дружество меж них вознес.

Твой храм стоял с начала мира
На вечных крепостью столбах;
Как в чистом кристалле эфира,
Ты пастухом сиял в сердцах.

Вкруг света скиптр сей обращая,
Стихий ты споры прекращал;
На миртах нежных возлегая,
Ты агнца с тигром примирял.

Тобой блаженство возрастало
В золотой, счастливый оный век.
Но, ах! всегда ль оно сияло?
Всегда ль был счастлив человек?

Сошла свирепая Беллона,
Брань в мире страшна началась;
И твоего на месте трона
Кровь смертных злобных пролилась.

Раздор, соперник твой ужасный,
Кроваво знамя вдруг развил,
Потряс — возжег огонь брани страшный,
Бедами злобу вооружил.

Восстал свирепый брат на брата,
Цепь дружества, родства всяк рвет.
За что ж? пленились блеском золота,
Порокам устремились вслед.

Кто злобы пламенник ужасный,
Кто может в свете угасить?
Довольство, правду, мир прекрасный
Кто может в мире водворить?

Тебе, тебе, о гений мирный!
Победа лавры отдает.
Ты сшел — и глас твой кроткий, лирный
Рассеял мрак, дал видеть свет.

И может ли в печальной дебри,
Тебя презрев, жить человек?
Как туч громады в атмосфере,
Беды мрачат его весь век.

Но ты печали услаждаешь,
И в самом бед и зол жерле
Его покоишь, утешаешь
В час смерти и в темничной мгле.

Тобою друг, нам подаренный,
Советами от бед хранит;
И, сердцем с нами сопряженный,
На саму смерть за нас летит.

И скорбь, и радости до гроба
Друзья делят между собой;
Один в бедах — страдают оба,
Один блажен — блажен другой.

Да будет дружество священо!
И, добродетели лучом
Небесным, чистым озаренно,
Да будет славно в мире сем!

А ты живи всегда меж нами,
Любезный гений, дружбы бог!
Златыми облистав лучами,
Вводи ты смертных в свой чертог.

<1798>

МОЕ УТЕШЕНИЕ

Среди трудов, забот всечасных,
Чем рок меня обременил,
Возможно ль, чтоб, места прекрасны,
Я вас когда-нибудь забыл?

Места возлюбленны, священны!
Вы слышали мой первый глас,
Век счастья, радости блаженный,
Век юности протек у вас.

Почто, прешедши горы снежны,
Почто и ныне не могу
Упасть родных в объятя нежны
И скорбь забыть друзей в кругу?

Конечно, милых взор возможен
Мне утешенье принести,
А здесь меня скорбь люта гложет,
И нет, кто б мог меня спасти.

Нет, нет, — и я терзаться должен,
А там — окончить век мой злой;
Но где предел сей мне положен?
О мысль! не мучь мой дух собой!

Быть может, и сие мгновенье
Меня со светом разлучит;
Последний вздох и помышленье
Во гроб со мною заключит.

Быть может, ночь сия началом
Спокойной, вечной ночи мне,
И острым люта смерть кинжалом
Меня сразит в сладчайшем сне.

Быть может, что я день прелестный
Не встречу завтрашний еще;
Через час мой будет друг любезный
Уже искать меня вотще.

Вотще, — и гроб мой не омает
Никто, никто слезой своей,
Земля чужая кости скроет
Далеко от родных костей.

А вы, родители любезны,
Вы сына будете мечтать
В живых, — когда уж члены тленны
В сырой земле начнут гнить.

Когда ж свирепый случай, страшный,
Вам весть печальну принесет,
Увы! и сын, и сын несчастный
Вам тяжку рану нанесет.

Сын, ложным блеском ослепленный,
Что слезы ваши, скорбь презрел,
Презрел объятья ваши нежны
И призраку вослед пошел.

Пошел, мечтой прельстясь, пустился
Еще от самых юных лет;
Почто ж? — чтоб с светом подружился
И испытал тьму новых бед.

Где, где вы, замыслы надменны,
Надежды якорь, счастья луч?
Исчезли, как при солнце темны
Вдруг исчезают горы туч!

Исчезнет всё с тобой, несчастный!
И что ж!.. родители! друзья!
Увы! и за труды всечасны
Ничем не заплачу им я!

Они в бедах — ты не сможешь,
И членов дряхлых, что тебя
Носили, — ты понести не сможешь,
Покоя старость и любя.

К чему ж вы, тщетный труд, науки,
Для коих столько бед терпел?
К тому ль, чтоб большие лишь муки
От просвещения приобрел?

К тому ль, чтоб кротких муз в соборе
Я слезы беспрестанно лил?
Чтобы, как бурь крутых в раздоре,
В страстях противных век губил?

Излейте бальзам благовонный,
Излейте радость, мир, покой
В мои ослабши чувства, полны
Болезни, скорби едкой, злой.

Вы всё мое богатство в мире;
В вас чту себе своих друзей!
В тебе, возлюбленной лире,
Отрада вся душе моей!

<1798>

СТИХОТВОРЕЦ

В небесном стиходей жару
Средь сада, под дождем, на тягостном ветру
Писал гремящу оду
Противу времени, на ветры, непогоду,
Писал, гремел, разил, не слушал никого,
Кто смел напоминать о здравии его.
Но что же наконец? — Огонь весь погасился.
Наш пламенный поэт внезапно — простудился,
Зубами он скрипел, с пером в руках дрожал.
Тогда кричат ему другие:
«Вот плод, что ты презрел советы их святые!» —
«Молчите, — наш в ответ герой им проворчал, —
Как можете винить, не зная прав поэта?
Он должен своего исполнен быть предмета!»

<1798>

К УРАЛУ

Атлант! сын Норда знаменитый,
Держащий росски небеса,
Венцом столетних сосн покрытый,
Твои пою я чудеса!
Пою, смотря с благоговеньем
На вид твой, страшные красы,
Туда, где бурный дух с почтеньем
Твои коричневые власы
Колеблет и играет ими,
Где молнии огненной струей,
Обвившись вокруг главы твоей
Иль крыльями покрыв своими,
Вниз стелются по раменам;
И, от кремня скользя, стремятся
К плывущим свыше туч горам,
Громы где трубы вторятся
По скалам, безднам и в лесах;
Где грудью ты своей стальнойю
Стремленье ветров хладных, зною,
Как неким щитом в боях,
Метели, бури препинаешь,
Об кремнь их жалы притупляешь.
Герой! великий исполин,
Которого стопы лобзают
Вайгат серебрян и Хвалын;
На плечах бури полагают
Колеса пламенны громов,
Ты Норда друг, твердыня, кров!
В тебе ему от век хранится
Сокровища Перу тобой,
Коль с светом хочет он сразиться
И потрясти вселенной всей,
Ты сизый гром ему вручаешь,
Доспехи пламенны куешь,
Броней стальной вооружаешь,
Сам с смертью вслед ему идешь!
Где, где сторуки великаны,
Трясти кто небо россов мнит?
Не ложны, слабые Вулканы
Готовят громы нам и щит;
Росс скажет — и высоки горы
За ним против врагов пойдут,
Из медных уст своих соборы
Смертей и ужасов прольют.
Речет — и вдруг Рифей кремнистый
В пучины скатится морей
И между гор на Норде льдистых

Чело поднимет, как трофей;
И слава из зарей там бледных
Венец ему блестящ сплетет.
Восторг!.. хор муз, в нем водворенный,
Его Парнасом назовет!
И сосны мрачные, высоки,
Жилища хищных птиц, зверей,
Тогда испустят блеск лучей;
Пермесски оживят потоки
Распространенны корни их.
Там, с музами Орфей гуляя,
Приятным звуком струн своих
В них силу чувства возбуждая,
Бессмертный восстановит хор
И славу Норда непременно,
Какой не зрел времен собор,
К звездам взнесет — векам священну.
Повесив лиры там, певцы
На ветвях древ, как к Геликону,
Вселенной соберут концы
Внять чистой мудрости закону.
Так, так золотой судьбы резец
На дске предначертал алмазной!
Урал! свершение чудес
Мы зрим, мы зрим в сей век прекрасный —
Зерцало вечной славы ты!
Твои заслуги драгоценны,
Богатство, крепость красоты
Не смею петь я исступленный,
Внезапным блеском осиян,
Молчу и повергаю лиру!
Тебя хвалить — есть славить миру
Известну мочь уж россиян!

<1798>

ЛАУРА И СЕЛЬМАР

Сухова бездна в мгле кипела:
На скале в горести, в слезах
Лаура бедная сидела,
И ветер играл в ее власах.

С желаньем пламенным и нежным
По морю взор ее блуждал;
Над ней, колеблясь стеблем слезным,
Ее тростник там осенял.

«Двенадцать лун прошли унылы!
О грусть! столь многих яд годов!
Почто, почто, жестокий, милый
Вверялся ярости валов?»

Творец! смири морей волненье,
Раздор вод бурных утуши!
Ах! что сих грозных волн сраженье
Против борьбы моей души?»

Иль ты, природа, сотворила
Лишь смертного ко злу, к бедам?
К богатству страсть в него вложила:
Идет — и смерть находит там.

Велишь — томится он, копает
Для злата камней под землей;
В сокрытых пропастях вдыхает
Болезней семена, смертей.

Плывет для пыли лишь блестящей
Голконды, Фолты до берегов,
Чтобы в степи, песком горящей,
Быть пищею гиен и львов.

Когда ж, премогиши всё, стремится
В восторге чувств к родным своим,
Тут камнем судно раздробится:
Погиб он сам — и злато с ним.

Он слабость в пище принимает;
В вине он разоренье пьет;
Смерть в камне мудрых обретает;
В лекарствах тленность внутрь берет».

Так без отрад она стенала
О горестной любви презлой:
Ломала руки, грудь терзала,
На бездну взор простерши свой.

Там зрит, — о боже! — волны страшны
Вновь с ревом воют в берегах,
И в мраке некий труп несчастный
Несут чуть виден на хребтах.

«Се он, — вопит, — се друг мой нежный!
Я сердце ввек дала кому,
Чьим я владеть желала вечно!
То Сэльмар! — он! лети к нему!»

Рекла, стремится вниз со скалы,
На труп упала, обняла;
Согревши хладны члены, вялы
Лобзаньем — дух свой излила.

<1798>

СЛАВА

Хор

Славу, мать лир священных,
Душу подвигов бессмертных,
Славу, россы, призовем!
Песнь всемошной воспоем!

Под ее благой звездою
Росс родился, возрастал;
Росс-младенец царств судьбою
У груди ее играл;
Росс-герой ее знамена
Через темно поле бед
Перенес, восстал из плена
И потряс надменный свет;
Росс благий, великосердый,
Заклучив уста громов,
Простирает щит свой твердый
На друзей и на врагов.

Хор

Слава, божество вселенной,
Гений россов неизменный,
Слава, с нами ввек живи!
Славы огонь, теки в крови!

Слава с вечностью родилась,
В ней носился божий дух!
Славой временность раскрылась,
Как цветок прозябший вдруг!
Первый глас творца: «Да будет!»
Отголосок славы: «Бысть!»
Чувство чувства спящи будит,
И хвалебный мир гремит;
Жизни первое движенье —
Славословие творца!
Первое души стремленье —
Славословие отца.

Хор
Дивен бог, творец вселенной,
Силой, мудростью священной,
Дивен благостью даров,
Дивен славой в век веков!

Ею блещут и живут
Все творенья на земли,
Горы всходят и дымятся,
Превращаясь в алтари.
Как камины природы,
Холмы дышат перед ней,
В лоно бисерное воды
Ловят блеск ее лучей;
Древний бор в благоговеньи
Движет старческой главой,
И в священном исступленьи
Говорит с самим собой...

Хор
Горы, холмы и дубравы,
Повторяйте имя славы!
Слава светит в тьме пустынь,
Дышит в недрах скал, стремнин!

В радостном весны сияньи
Мир улыбку славы зрит;
Лета в пламенном дыханьи
Слава блещет и гремит.
В бурях осени смущенной
Ниспускается она
И в снегах зимы надменной
Льет на тварь утешенья;
Царство светлое пернатых
В славе чтит царицу, мать;
Слон и червь, от глаз изъятый, —
Носит всё ее печать.

Хор
Славьте славу, тварей хоры,
Мир стихий, стихий раздоры;
День и ночь, ее красотой
Обновляйте образ свой.

Не она ль душа движенья
В чудной машине миров?
Ею бьется пульс творенья
И текут ряды веков.
В безднах света неизмерных
Веет сильный славы дух,

Солнца, им одушевленны,
Составляют братский круг.
В мир из мира льется, блещет
Чувство в пламенных лучах,
И вселенная трепещет
В гармонии и хвалах.

Хор

Сад созданий бесконечный,
Процветай любовью вечной!
Боже дивный твари всей,
Царствуй славою своей!

Но — увы! — восторг напрасный!
Что здесь вечно? Всё пройдет!
Час ударил! Солнце красно,
Как увядший цвет, падет!
Глас творений умирает
В разрушительных громах.
Смерть триумф уготовляет.
Стой, исчезни, ада страх!
Ободритесь, славы чада!
Благость! Доблесть! Правота!
Не умрет для вас награда,
Слава с вами навсегда!

Хор

Кто имеет сердца силы,
Презри ложный страх могилы.
Нет ни в чем преграды нам!
Мы решились! Слава там!

Там, где гений испытаний
Младость робкую ведет
По стези скорбей, страданий;
Фемистокл где, в цвете лет,
Узы страсти и покоя,
Окроплены током слез,
Тени мудрого героя
В жертву славную принес;
Там, где рок скупой и злобный,
Побежденный наконец,
Отдает на дске пригробной
Нам победу и венец.

Хор

Прочь, призраки горды мира!
Онемей, сирены лира,
Злато, в прахе истлевай,
Нам бессмертья светит рай!

Посмотрите... Злоба блещет
Над жилищем тишины!
Мир вздремавший встал, трепещет:
Видит зарево войны!
Молний яркими цепями
Скован, стонет неба свод!
Провождается смертями,
В бурных вихрях брань течет;
С нею ужасы дрожащи,
Самолюбие, месть, разврат
Сыплют факелы палящи
В зрелый мира вертоград.

Хор

Дети славы, пробудитесь,
Встаньте, встаньте, ополчитесь,
К вам отечество гласит,
Брань вокруг вас, брань горит!

Грады мирные пылают,
Страждет дружба и любовь;
Цепи доблесть отягчают,
И течет по нивам кровь!
«Кровь сожжет железо плена,
Кровь да смоеет рабства стыд!»
Старость ищет, оживленна,
Обгорелый шлем и щит,
Храбрость мирты разрывает
Ржавым, радуясь, мечом,
Праздность праздный оставляет,
Слабый стал богатырем!

Хор

Дет славы, ополчитесь,
В крепость, в силу облекитесь,
Честь, блаженство — ваш венец,
Истребись, раздор, вконец.

Да погибнут брани бранью,
Мартс гремит стальным мечом;
Рдяно-огненную дланью
Ярость кроет буйный сонм.
Брат не видит в брате брата,
И отец забыл детей;
Треск оружий, гром — отрада
Кровожаждущих зверей.
Им предходит мщенья пламень,
Славы знамя впереди;
Огнь во взорах, в сердце камень, —
Человечество, прости!

Хор

Мщенье, мщенье! гром за громом!
Буря с бурей! сонм за сонмом!
Лавр! — победа! — цвет побед
Вырвем мы из адских недр!

«Стойте, пламенны герои,
С вами бог! средь вас любовь!» —
Ангел рек: умолкли бои,
На мече застыла кровь!
Чада брани исступленны
Гнев и милость кажут вдруг;
Брань бежит со страхом в бездны;
Озарился неба круг;
Тихих зэфиров в дыханьи,
В благодатном гrome лир,
Золотых зарей в сияньи
К нам нисходит горний мир!

Хор

Мир прелестный, мир, друг неба,
В ад низвергни дочь Эреба,
Укротися, сонм зверей,
С нами мир! здесь хор друзей!

Обручен с святой победой,
Как с невестою жених,
Мир идет, герои следом
И гремящий бардов лик.
Старец поднял слабы руки
Милых чад благословить;
Там объемлются супруги,
И не могут говорить;
Отрок отчий меч лобзает;
Дева робкая, стыдясь,
Лавр героя прижимает
К сердцу, кроющему страсть.

Хор

Шествуй к нам, триумф священный,
От небес благословенный,
Царствуй, мир, во всех странах,
Царствуй славы ты в лучах!

Он идет, и всё играет,
Рай цветет вокруг него;
Радость, счастье осеняет
Светлым облаком его.
Правда вечная клянется

Украшать его алтарь,
Океан богатством льется,
Принося ему свой дар;
Изобилие благое
Ниспустилось на поля;
И в веселии, в покое
Обновилась вся земля.

Хор
Дети славы, веселитесь,
Здесь, на лаврах, преклонитесь
У любви на руках,
Громы, спите на цветах!

Нет! Мы славы недостойны;
Не горит ли кровь на нас?
Не бегут ли вслед нам стоны,
Побежденных жалкий глас?
Не на трупах лавры зреют;
Клятвы в гробе загремят,
И триумфы помертвеют;
Слава горький, смертный яд
Грозной, мстительной рукою
Подает врагам людей.
Чада славы! слез рекою
Смоем кровь с своих мечей!

Хор
К нам в объятия летите,
Всё забыто! нас простите;
Не враги вы нам, — друзья!
Будьте счастливы всегда!

Мы одно составим племя
Всем нам общего отца!
Райского блаженства семя,
Нам любовь влита в сердца.
Нас любовь да прославляет,
Нас любовь да просветит;
Из лучей любви сплетает
Нам бессмертье новый щит.
Музы, жертвы принесите
Доброй славы на алтарь!
Небеса, благословите
В нас любви священный жар!

Хор
Процветайте, дни любезны,
Дети Фебовы прелестны,
Возвышайся, мирный край,
Рай в сердцах, в природе рай!

Правда, будь всегда началом
Всякой мысленной черте!
Будь пылающим зеркалом
Лести, злобе, клевете!
Твердость, в муках возрождайся,
Доблесть, в бедствах созревай,
Благость, благом увенчайся,
Верность, в гробе не сгнивай,
Мечь, прощеньем усладися,
Руку, падший друг, прими,
Человечество, проснися
И права свои возьми.

Хор

Слава, гений добрый, сильный,
Сохрани союз наш мирный,
Трудный путь нам освещай
И бессмертьем нас венчай.

Озаряй благим воззреньем
И шалаш, и храм златой,
Улыбайся при рожденье
И вдыхай в нас пламень твой.
Близ невинности несчастной
Ты невидимо пари;
Над заслугою изгнанной
Луч отрадный распрости!
В недрах дружбы благотворной
Ты любимцев утешай
И в темнице нас позорной,
И в час казни укрепляй.

Хор

Сильный, светлый гений смертных,
Спутник доблестей священных,
В самом образе смертей
Буди нашей ты душой!

Каждо сердца в нас биенье
Славе бога посвятим,
Наша жизнь ему — хваленье,
Наша смерть ему есть гимн.
На одре скорбей, болезни
В сердце мы найдем бальзам,
И во взорах смерти слезных
Улыбайся, вечность, нам.
Цвет веселья, терн печали —
На алтарь любви отцу.
Мы добро, мы зло видали:
Слава богу и творцу!

Хор
Славьте бога все языки!
Милость вышнего владыки
На земли и в небесах
Славься в праведных душах!

Ободришь, гнетомый злобой,
Слава смертным суд дает,
Сеет клятвы злых над гробом,
Язвой память их гниет!
Но в алтарь преобразует
Аристидов гроб простой;
Цвет бессмертья развивает
Под гробовою доской;
Жизнь возбудит в прахе, в тленье;
Обескрылит времена;
Возгремит мирам: «Паденье!»
И речет им: «Вечность я!..»

Хор
Ободришь, несчастный смертный,
Странник слабый, утомленный!
Там отец!.. там лучший мир...
Слышишь глас зовущих лир?..

Стройтесь в хор, друзья любезны,
Дайте руки в час благой,
Славы в храм пойдем чудесный,
Смерть и ад попрём ногой.
Насладимся нашим маем,
Слава нас к себе зовет,
Посмотрите! светлым раем
Там отечество цветет.
Дети славы, обнимитесь,
Мы краса его и щит,
Фридрихи, Петры, проснитесь,
И вселенна рай узрит!

Хор
Славься, росс непобедимый,
Славы сын, герой любимый,
Славься, друг прямых доброт;
Славься, росс, из рода в род.

1799-1801

ОДА
НА РАЗРУШЕНИЕ ВАВИЛОНА

Свершилось! Нет его! Сей град,
Гроза и трепет для вселенной,
Величья памятник надменный,
Упал!.. Еще вдали горят
Остатки роскоши полмертвой.
Тиран погиб тиранства жертвой,
Замолк торжеств и славы клич,
Ярем позорный прекратился,
Железный скиптр переломился,
И сокрушен народов бич!

Таков Егова, царь побед!
Таков предвечный правды мститель!
Скончался в муках наш мучитель,
Иссякло море наших бед.
Воскресла радость, мир блаженный,
Подвигнулся Ливан священный,
Главу подьемлет к небесам;
В восторге кедры встрепетали:
«Ты умер наконец, — вещали, —
Теперь чего страшиться нам?»»

Трясется ад, сомненья полн,
Тебя сретая в мрачны сени,
Бегут испуганные тени,
Как в бурю сонмы белых волн.
Цари, герои царств прешедших
Встают с престолов потемневших
Чудовище земли узреть.
«Как? — ты, равнявшийся с богами,
И ты теперь сравнялся с нами,
Не думав вечно умереть».

Почто теперь тебе вослед
Величье, пышность не дерзает?
Почто теперь не услаждает
Твою надменность звук побед?
Ты не взял ничего с собою,
Как тень, исчезло пред тобою
Волшебство льстивых, светлых дней.
Ты в жизнь копил себе мученье,
Твой дом есть ночь, твой одр — гниенье,
Покров — кипящий рой червей!

Высоко на горах небес
Светило гордое блистало,

Вчера всех взоры ослепляло,
Сегодня смотрят — блеск исчез.
Вчера смирял народы в страхе,
Смирен, сегодня тлеет в прахе!
Вчера мечтал с собою ты:
«Взнесусь, пойду над облаками,
Поставлю трон между звездами,
Попру Сиона высоты,

Простру повсюду гнев и страх,
Устрою небеса чертогом
И буду в нем всеильным богом!»
Изрек — и превратился в прах!
Идет сегодня путник бедный
И зрит в пустыне труп твой бледный,
На пищу брошенный зверям!
Стоит, не верит в изумленьи;
Потом в сердечном сокрушеньи
Возводит взор свой к небесам:

Не се ли ужас наших дней?
Не сей ли варварской десницей
Соделал целый мир темницей,
Жилищем глада, бед, скорбей?
Никто пред смертью не встанет!
Но память добрых не увянет!
Их прах святится от сынов.
Благою славой огражденный,
Слезами бедных оживленный,
Он спит в обители отцов!

Един твой труп в позор и срам
Лежит на грозном поле брани;
Земля последней бедной дани
Не хочет дать твоим костям.
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель,
Лежишь меж трупами врагов,
Лишенный чести погребенья;
А там — свистит дух бурный мщенья
Против сынов твоих сынов.

Рази, губи, карай злой род,
Прокляты ветви корня злого;
В них скрыта язва, гибель нова,
В них новый плен для нас растет!
Всеильный рек: «Я сам восстану,
Приду, оденусь в бури, гряну
И истреблю всё племя злых.
В градах их звери поселятся,

Их земли морем поглотятся,
Погибнет с шумом память их».

Изрек! — и свят его обет,
И вечно нерушимо слово!
Изрек! — событие готово!
Израиль! — лести в боге нет!..
Егова сломит рог тиранства
И узы тягостные рабства
Огнем и кровию сожжет;
Поднимет руку над вселенной,
И — кто удержит гром разжженный,
Кто с богом брани в брань пойдет?

Март-апрель 1801

ПИСЬМО ВЕРТЕРА К ШАРЛОТЕ

Средь младости моей судьбою угнетенный,
Твоею красотой, Шарлота, пораженный,
Слезами я к тебе пишу, мой милый друг!
Пока не кончит смерть моих ужасных мук,
От прелестей твоих лишившись покою,
Хочу в последний раз беседовать с тобою.
О ты, которой взор мне в сердце яд излил,
Шарлота! Некогда и я счастливым был.
Пленяясь льстивою, приятною мечтою,
Блаженство издали я видел пред собою! —
Надеясь, нашего союза ожидал;
Моею я тебя в восторге называл...
Тогда, безбедственным мой пламень почитая,
Всечасно милую свою воображая,
Тебе в душе моей алтарь соорудил,
Там богу моему я жертву приносил.
Природа пред тобой красы свои теряла,
Я целый свет забыл — душа тебя вмещала...
В моем мечтании я весел, счастлив был
(Коль может счастлив быть, кто пламенно любил).
Мой друг! Я б для тебя пожертвовал собою,
Я б пролил кровь мою для твоего покою,
И благом бы небес я смерть свою считал... —
Какой мрак истину от глаз моих скрывал?
Каким прелестным сном любовь меня пленяла
И день от дня мой ум сильнее Ослепляла?
Но я был пробужден зарей сих страшных дней.
Хоть <ты> была вольна еще в руке твоей,
Судьба, твой долг, тебе супруга назначала
И у меня навек надежду отнимала.

Альберт готовился — рука моя дрожит,
Хладеет кровь во мне, из сердца вздох летит.
К Альберту ненависть неволью в питаю,
Прости мне! — я себя, Шарлота, обвиняю.
Конечно б, я его врагом не должен чтить:
Он зла мне не желал, хотел мне другом быть!
Но он пленен тобой, но он тебя имеет, —
Сего ему простить твой Вертер не умеет.
Тогда, надеясь, почто я не взирал,
В какие пропасти повергнуться искал!
Всегда ужасный рок надеждой ослепляет,
Когда он смертного карать предпринимает,
И редко сей мечты избегнет человек,
Я был виновен — час; несчастен — целый век...
Моя вина вся в том, что сердце нежно было,
Что милую оно, как милую, любило,
Что я тебя, мой друг, неволью обожал!
За что меня так рок ужасно наказал?
Неужели и он имел предрассужденья
Чтить злодеянием минуту заблужденья?
Когда узрел тебя, всемошною рукой
Возжегся огонь любви в душе моей к драгой,
Я вольность потерял, Шарлотою пленился,
Своими узами, мой милый друг, гордился.
Ах, мог ли я тогда противиться тебе,
Противиться любви, глазам твоим, судьбе!
И небо, что тебя прелестной сотворило,
Которое меня быть нежным научило,
Которое меня к тебе всегда влекло
И цену красоте мне чувствовать дало,
Соделавшись моим участником в сей страсти, —
За что навек меня повергнуло в напасти?
Когда я следовал за факелом любви,
Когда пылал сей огонь небеснейший в крови,
Какой надеждою душа моя питалась?
Каким прелестнейшим блаженством наслаждалась?
Тебя увидел я, тебе всё посвятил,
И в чувствах я своих уже не властен был;
Наполненный тобой, тобою ослепленный
И льстивым счастьем несчастно упоенный,
Себя и целый мир в любви позабывал,
Во всех предметах я тебя одну искал!
Одна ты для меня вселенну украшала;
Казалось мне, что ты природу оживляла;
Казалось мне, что ты и солнце золотишь,
Что ростишь <ты> цветы, что ты ручей сребришь,
Что от тебя одной лужочек расцветает,
Что взор твой, милая, и камни оживляет.
В блаженстве, в коем дни мои тогда текли,
И боги бы со мной равняться не могли;

Счастливей сих дней другие наступали,
Глаза твои тебе невольно изменяли
И ясно стали мне тот пламень изъяснять,
Который от меня хотела ты скрывать.
Хотя словами ты, мой друг! не подтверждала,
Что втайне к Вертеру ты страстию пылала,
Хоть сердце не могло ту должность позабыть,
Которая меня велела не любить, —
Красноречивым тыг молчаньем объяснялась,
И с добродетелью страсть нежная сражалась:
Невольный часто вздох, невольная слеза
Твое смущение и томные глаза,
Что более всего нам сердце открывают,
Сильнее самых слов все чувства объясняют,
Мне изъясляли то, чего я так желал,
И каждый миг тогда весельем я считал!
Шарлота! наша жизнь прелестною казалась,
Судьба соделать нас счастливыми старалась,
Ты так же, как и я, нимало не ждала,
Чтоб наконец она к нам так строга была
И чтобы небеса наш пламень наказали,
Который мы в сердцах невинностью питали.
Но счастьем смертного конец предположен!
Чем я счастливей был, тем больше огорчен,
Когда в объятиях прелестного мечтанья
Я спал, не видевши блаженству окончанья,
И, не внимая глас рассудка моего,
Восторгам волю дал я сердца своего.
Вдруг тучи мрачные вокруг меня скопились
И громы поразить несчастного стремились.
Я к браку твоему приготовленья зрю,
Альберт тебя влечет невинно к алтарю.
В сей день навек ты с ним, навек соединилась,
И беззаконной страсть святая учинилась.
С тех пор я вечный ад носил в моей крови
С воспоминанием несчастный любви;
С тех пор с отчаяньем Шарлоту убегаю
И в ярости моей забыть ее желаю.
В богатстве, в почестях я счастья искал
И ими заменить тебя в душе желал!
Искал я милости в вельможах горделивых,
Но скоро, скучившись от сих предметов льстивых,
Соделать чтоб конец мученью моему,
Приблизился мой дух к жилищу твоему.
К прелестным сим местам зачем я приближался?
Несчастный! Что я зрел и что найти старался?
Тебя супругою другого — не моей!
Мой дух стесняется при страшной мысли сей.
Где я? — Куда стремлюсь? — Теряюсь — не знаю!
Его в объятиях твоих воображаю.

Он счастлив! — Может быть, и ты счастлива с ним?
Ах! сравнится ли ад с мучением моим?
О ты, которая мне сердце растерзала,
Любовь! всё от тебя душа моя страдала;
Взирай, как мчусь я, взирай и веселись,
Успехом твоего злодейства насладись.
Уже я ночь сию в твоей не буду власти,
Не буду от тебя! терпеть беды, напасти.
Но что я чувствую? — Всесильный огонь любви
Льетса и течет по всей моей крови,
Всё бытие мое тобою наполняет
И чувства у меня, и силы отнимает.
Томясь, насилу я: могу теперь дышать,
Насилу я могу в последний раз вздохнуть...
Рука моя дрожит... все мысли помутились,
Туманом мрачнейшим глаза мои покрылись,
Не чувствую себя и слабо вижу свет...
О смерть! Ужели мой конец теперь придет,
Иль ты моей руки убийственной дождешься? —
Сие прочетши, ты, Шарлота, ужаснешься.
Хочу, мой милый друг, хочу признаться я,
К чему меня вела вся страсть к тебе моя.
Отчаяния глас в беспамятстве внимая,
Несчастью моему злодейством мстить желая,
Хотел преступников собою превзойти,
Законы, долг и честь, и совесть позабыть,
В крови Альбертовой хотел я обагриться,
И, чтобы лютости примером учиниться,
Хотел я милую души моей сразить! —
А после — смертию мой пламень потушить,
Который был всегда мне в жизни сей мученьем.
Каким я варварским был понужден внушеньем?
Шарлота, я бы мог твоим убийцей быть;
В минуту ярости всю честность истребить,
Которую в душе я двадцать лет питаю,
Которую всегда священной почитаю.
Сколь добродетели мала над смертным власть,
Когда его влечет слепая сердца страсть!
Он должностью своей, рассудком преступает,
От преступления) на шаг один бывает.
Когда злодейство я сие предпринимал,
Которое в душе невольно проклинал,
Тогда природы глас уж сердце не внимало —
Отчаянье во мне все чувства задушало.
Я презирал людьми, и небом, и землей,
Раскаяньем моим, природой и — тобой.
На гнусность сих убийств без ужаса взирая,
Свирепости моей границ не полагая,
Себя еще во всем я правым почитал...
Но скоро я свое безумие познал!

Познал — и мысленно пред вами повинился,
В моем отчаяньи рассудком подкрепился.
Прошло ужасное мечтание, мой друг!
Живи! — будь счастлива! — с тобою твой супруг!
А я, оставленный в напастях сиротою,
Питался много лет слезами и тоскою,
<Скучая> жизнь, хочу оставить свет,
Где больше для меня уже отрады нет.
Умру! — мне смерть одна осталась утешенье,
Среди весны моей я дни влачил в мученьи,
Печалью, страстию, желаньем утомлен
И в бездну горести навеки погружен.
Ах! что и быть могло мне в жизни, друг мой, мило?
Несчастье во мне терпенье истощило;
Когда бы я конец своим напастям зрел,
Когда б хоть малую надежду я имел,
Когда б я смел еще сей мыслью насладиться,
Что славой я могу блестящей отличиться,
Тогда б, бессмертие стараясь заслужить,
В потомстве памятник себе соорудить,
Посмел бы я еще гоняться за мечтою
И почестей искать с печальною душою.
Но рок уже меня навек того лишил.
Довольно прожил я! довольно счастлив был!
Довольно зрелищем природы восхищался!
Теперь — лишь дней конец в отраду мне остался.
Пусть несчастные другие без меня
Влачатся в мире сем, и день, и ночь стенья!
Но тот, кто милья души своей лишится,
Чужую зреть ее и должен с ней проститься,
Кто служит целый век игралищем судьбе,
Не нужен никому и тягостен себе
Кто горесть и тоску всечасно ощущает,
Тот должен умереть, тот благом смерть считает! —
Скорее дни мои хочу я окончать
И там, где смерти нет, спокойствие сыскать.
Кольцо всех уз моих рок грозный разрывает,
А с ним и всё прервать сим гневом побуждает.
Что делать в свете мне? Я в жизни всё прошел
И счастья ни в чем прямого не нашел.
То время: протекло, где, живостью пылая,
На крыльях мысленных с горячностью летая,
Я целый свет моим рассудком обнимал,
Всё видеть, всё познать, всё испытать желал.
Мне истин тысячи науки открывали
И существо мое всечасно умножали.
Теперь — бессилен стал, уныл и утомлен,
От многих горестей мой разум истощен,
Во мне уж пламень чувств навеки потушился,
Ах, долго я, мой друг, печалился, крушился.

И верю лишь тому, что только сердцу льстит.
Теперь душа моя к спокойствию летит.

Дщерь смерти! Мрачна ночь! Тебя я призываю,
Из коей перейти в другую ночь дерзаю.
Непроницаемой твоею темнотой
Мое убийство ты ужасное сокрой!
Готово к смерти всё, час страшный наступает,
Душа моя его с восторгом ожидает.
Недоуменьем я давно себя терзал,
Чего страшиться мне? — Я всё уж потерял.
<Ночной> укроет мрак цветущие долины,
Когда достигнет ночь предел своих середины,
Тогда оружие употреблю, мой друг!
Которым Вертера спасаешь ты от мук.
Рукой мне помогла, слезами поразила,
Ты яд мне подала, и ты же излечила,
Дорогу вечности открыла предо мной
И возвратила мне потерянный покой!

Шарлота! — когда ты оружие держала,
О сем намереньи, конечно, ты не знала,
Не знала, что я смерть определил себе,
Но, может быть, тогда предчувствие в тебе
Сумнение на ту минуту породило,
О ярости моей тебя предупредило.
Ах! <нет>, ты думала лишь мне полезной быть,
Ты мнила тем к моей дороге послужить,
Не зная ничего, сих бедств не ожидала,
И мнимый мой отъезд ты верным почитала.
Я еду — ты велишь, и всё меня влечет.
Мне неизвестен путь — известен мой предмет.
Я скучный, грустный мир навеки оставляю
И, к вечности летя, на свет другой взираю!

Шарлота, милый друг, покойся в сладком сне,
Не зная, сколько бедств соделала ты мне,
И, может быть, теперь с приятною мечтою
Вкушаешь прелести блаженства и покою.
Ты спишь — и тихо грудь вздымается твоя,
Не зная, к чему ведет меня любовь моя.
Ты спишь! — А Вертер твой печальный век кончает.

Ты спишь — а он теперь в последний раз вздыхает...
Когда проснешься ты, увидишь солнца свет,
Узнаешь, что его в сем мире больше нет,
Что он не мог снести жестокости судьбины,
Что он любил тебя до самой кончины,
Что век он образ твой в душе своей хранил
И что последний вздох он милой посвятил...

Будь счастлива, мой друг, и жизнью утешайся,
Среди семьи своей покоем наслаждайся,
А я — а я теперь в ночь вечную иду,
Так хладен, как земля, на землю упаду.
Забудет мир меня, и я его забуду,
О всем, что мило мне, и помнить уж не буду.
Когда мое письмо последнее прочтешь
И нежную слезу о Вертере прольешь,
Я буду хладный прах, всех чувств моих лишусь
И, может быть, тогда в ничто преобразуюся.
Какое слово я ужасное изрек!
Ничтожество, тебя страшится человек!
Тебя и изверг сам никак не понимает,
Тебя в душе не ждет, хотя и призывает!
Неужели навек исчезнуть должен я,
Неужли мне на то дана душа моя,
Чтоб после смерти чувств и разума лишиться,
Не к вечному отцу — в ничтожность обратиться.
Безбожной мысли сей неволью я страшусь!
Когда я телом в прах моим преобращусь,
Тогда душа с землей навеки разлучится,
Тогда она с творцом своим соединится.
Без страху я теперь оставлю мир земной
И лучший вижу свет теперь перед собой.
Но, может, нас сия надежда обольщает
И смертный только лишь желание питает
Сим ожиданием печали усладить
И в вечности себя от праху отличить?
Не сами ль мы себя обманом занимаем,
Надеждой счастья несчастья облегчаем?
Но можно ли тогда себя мечтою льстить,
Когда уже должна прерваться жизни нить?
С младенчества душа бессмертья ожидала,
На сем спокойствие неволью основала,
Нас чувством сим творец всевышний наградил,
Всегда ждать лучшего невинных научил.
При сем светильнике сумнение исчезает,
Как солнце, истина священная сияет!
Ах! я не тщетно льщусь! на мой конец смотрю
И пристань к счастью перед собою зрю.
Там нет ни мрачных туч, не слышно бури стопа,
Там больше ненужна невинным оборона;
Там кроткий, тихий ветер умеренных страстей
Не может волн поднять, как в грустной жизни сей.
Любовь, которая здесь смертного терзает,
Пример своих злодейств в конце моем являет, —
Сия любовь не так в пределах тех сильна,
С рассудком, с верностью там царствует она,
Там чистый пламень свой в сердца она вливает
И счастьем прямым бессмертных наделяет.

Шарлота! милый друг, мне всё, мне всё твердит,
Что там, на небесах, нас бог соединит,
Что <нежно> чувствовать в пределах вышних знают
И что любовь и там блаженством почитают.
В последний раз стою, смотрю на небеса,
На бледную луну, на темные леса,
Смотрю — и дух во мне невольно унывает,
Шарлота — всё сие твой Вертер покидает!
Не буду больше я золотое солнце зреть,
Не буду на красы вселенная смотреть,
Не буду по лесам один с тоской скитаться,
Глас слышать соловья, слезами обливаться
И стоном горестным и рощам наскучать.
Ужасно, милая, природу покидать!
Прости, зеленый луг, прости, ручей серебристый,
Долины, рощицы и бережок кремнистый,
Любовь, друзья, мечты! Я всех оставил вас,
Прощаюсь с милыми уже в последний раз!
Когда о мне сосед чувствительный вспомянет,
Придет — увидит гроб — и, может, плакать станет.
Благодарю тебя, всевышнего творца!
Несчастливых и сирот беспомощных отца,
Который, усладить хотя мои мученья,
Мне слезы горькие послал для утешенья.
Ты сам, творец любви! мне нежность сердца дал.
Я ангела любил, и что ж за то! — страдал!..
Природа, трепещи, минута наступает:
Твой сын, твой нежный друг навеки покидает —
Последний день его почти уже протек!
Шарлотою любим, спокойно кончу век.
Шарлота, я тебя люблю и заклинаю
Исполнить то, чего в последний час желаю:
Недалеко от мест, где дни твои текут,
Где нежность, грации с Шарлотою живут,
Два дуба листья свои соединяют,
Под тенью <путника> от зноя сокрывают,
Цветут на берегу серебристого ручья;
Тут часто слышен глас печальный соловья,
Подале, на лугу, безмолвье обитает,
Но оное зефир весною покрывает
И тихо листьями густых дерев шумит,
Когда в природе всё покоится, молчит!
Тут я картинами природы восхищался,
Тут я Шарлотою <всечасно> занимался,
Тут я дней будущих блаженства ожидал,
Тут прах мой скрыть вели, где о тебе мечтал.
Когда под вечерок день ясный потемнеет,
Уныние тобой невольно овладеет,
Когда на небесах не будет мрачных туч,

Не скроется еще за горы солнца луч, —
Сойди, мой милый друг, в прелестные долины
Дивиться! красотам природныя картины!
Где, с тенью смешанный, увидишь слабый свет, —
Ты там найдешь другой, ужаснейший предмет.
Пойдешь — и с горькою, чувствительной слезою
Увидишь хладный прах, заросший муравою!..
Увидишь, что ручей медлительный бежит.
Тут сердце Вертера несчастного лежит.
Ты вспомнишь, что я был всегда пленен тобою,
И скажешь с горестью, с невольною тоскою:
«Он в младости увял! — его уж больше нет! —
Он здесь покой нашел, страдавши много лет.
Смерть вольная его мучения скончала.
Зачем несчастного страдать я заставляла,
Зачем участницей в убийстве сем была,
Я в сердце яд ему с любовью влила,
Я разум Вертера невинно помрачила,
Среди весны его спокойствия лишила?
О Вертер, над твоим я прахом слезы лью,
Последний долг тебе от сердца отдаю!..»
Тогда увидишь ты, что гроб мой потрясется,
Твой нежный вздох ко мне, Шарлота, донесется!
Не буду я себя и тамо обвинять,
Что страстию к тебе такую мог пылать...
Отец природы всем в природе управляет,
Который смертного судьбой повелевает,
Отец вселенныя, и неба, и земли,
Прими несчастного в объятия твои!
Как нежный сын, к тебе от горестей стремлюся!
Прости мне! — кровию своею я обагрюся.
Прости мне! — я найти спокойствие спешу
И, может быть, его, не зная, я ищу.
Законам, может быть, твоим сопротивляюся,
Любовь — властитель мой, любовью управляюся.
Не следовать ее веленьям не умел,
Она влечет меня — а сам я не хотел!
От милости твоей прощенья ожидаю
И на тебя свою надежду полагаю:
Ты внемлешь слабый крик беспомощных птенцов.

Ты истинный всегда несчастному покров,
Ты сердце зришь мое, в душе моей читаешь, —
Прости несчастного! — ты слабому прощаешь!
Но — ах, какой теперь внимаю страшный звук!
Шарлота! Полночь бьет! прости, мой милый друг!

1801 (?)

<ИЗ ПИСЬМА К А. И. ТУРГЕНЕВУ И А. С. КАЙСАРОВУ>

Где, где часы сии прекрасны,
Когда мы в *кочках* под шатром
В сентябрьски вечера ненастны
С любезной трубкой и вином
Родные песенки певали
И с бурей голос соглашали,
Когда пред нами с тьмой ночной
Огонь сражался Оссияна,
Древа шумели над главой
И своды горня окияна
Лились в стремительных дождях,
Березы старые скрипели
На сильных сплетшихся корнях,
И листья желтые летели
И стлались по сырой земле...
С улыбкой мирной на челе
Вокруг огня мы все сидели
И с удовольствием смотрели
Как *гретое* рукой твоей,
Любезный, милый мой Андрей,
Готовилось на общу радость.
Оно могло переменить
Природы сетующей вид
И возвратить ей жизнь и младость.

Как всё переменялось, братцы! Прошедшая осень
живо и навсегда впечатлялась в моей памяти.
Думал ли я, что нынешняя будет столько для меня печальна?

С кем ныне буду я внимать
Осенней бури шум ужасный?
С кем стану скуку разделять
Во время мрачное, ненастно?
С кем буду гретое я пить?
С кем песню затыну унылу?
.....
И Оссиян уже забыт,
И на разрытую могилу
Прошедших радостей, забав*
Никто, никто уже не взглянет!
Никто, никто не вспомянет
Тот *сад*, где дружба расцвела,
Мое блаженство мне явила,
Утехи века в час стеснила
И — всё с собою унесла!

17 сентября 1802

* Дом развалившийся Воейкова.

К ДРУЗЬЯМ
Писано в 1803

Повсюду и всегда, о братья! смерть за нами:
Беспечной юности на счастливых лугах
Таится, хитрая, меж детскими играми;
Нас ловит, спутанных сует земных в сетях;
И каждый быстрый миг — всемогущий посланник —
«Готовься! — он гласит, — готовься: смерть с тобой!»
Не знает человек, сей жалкий, бедный странник,
Где должен положить дорожный посох свой!

Почто же мучиться в последний час тоскою?
О милые! почто смущать великий час,
К которому добро и зло готовят нас?
 О том, о том скорби душою,
Чего не думал ты лишиться никогда!
 Конец — живущего череда!
Господь берет, что дал, — свой дар заимобразный!
Лишь буйственной душе, пороком безобразной,
Прилично сильного за то одно судить,
Что бренность вечностью для ней не может быть,
Что он с бессмертием нам не дал бед бессмертных.

Смотри — в дорогах неисчетных
С тобой, и пред тобой, и за тобой идут
Все сродники твои, всё, что для сердца мило;
Но, ах! коль многих нет!.. там друг твой, там отец!
Зовут тебя, зовут! а ты... с тоской унылой
 Сретаешь радостный конец
Разлуки — с горестью борьбы уединенной!

 О вы, хранимые рукою сокровенной!
 О вы, которые со мной
Несете общий крест, сражаясь со врагами:
 Несчастьем, суетами,
 И злобой, и собой!
 Ужель прольете токи слезны,
Коль друг утраченный, коль спутник ваш любезный
От бедствий сих найдет спасенье прежде вас?
Хотите ли, чтоб ваш знакомый, скорбный глас,
 Проникнув в райскую обитель,
 Мое блаженство отравлял,
Чтоб я средь радостей и там о вас рыдал?
Нет! нет! — «рыдай о злых», — велит земли спаситель.
О спутники! тогда не пожалейте слез,

 Когда, забвенный от небес,
Поправ и честь, и долг, и истину святую,

Униженный душой, узнаю плен страстей;
И, волей уклонясь от праведных путей,
Им в буйстве предпочту стезю порока злую,
Забуду и себя, и незабвенных вас...
Вот смерть ужасная, разлука невозвратна!
Тогда оплачьте вы стократно
Не смерть, но моего рожденья лютей час!

ТЕНЬ КУКОВА НА ОСТРОВЕ ОВГИ-ГИ

Известно, что корабли, принадлежащие Российской Американской компании, «Надежда» и «Нева», благополучно достигли Камчатки. Никогда еще флаг российский не развевался в столь отдаленных морях. На пути своем в Камчатку прошли они мимо острова Овги-ги, на котором убит славный капитан Кук; сие обстоятельство подало случай к следующему сочинению:

Когда, блуждающий среди седых пучин,
Венчанная реки тезоименный сын
«Нева» с «Надеждою» Меркурия крылатой*
Прошел брег, гибелью испанскою богатый,**
И дальный, скалами одеянный хребет,
Где с Югом борется в туманах Новый Свет,***,
И бури грозны Козерога,
И светлую стезю блистательного бога,
Где равны области для ночи и для дня;
Тогда Нептун, — ужели прежде мало
Неистовство его россиян испытало! —
От ярости стена,
Еще крепится в страшной силе,
Чтоб славу дерзостных пловцов
Сокрять от памяти во влажной вод могиле!
Он помнил Чесмесских орлов,
И Шелехов полет чрез льдистые громады,
И вновь раздвигшиясь Иракловы преграды,****
И Геллеспонт, пылающий в огнях;
Он помнил, — и ревел в бунтующих волнах!
Сроднились ужасы и неба и пучины
Противу росса и судьбины!
И смерть, казалось, добычею своей
Играла, чтоб еще умножить мук для ней...
Но се! внезапные почувствовав оковы,
Умолкли бури вдруг суровы!
Недвижим океан! — повсюду тишина!

* «Нева» и «Надежда», два корабля американской компании.

** Бразилии.

*** Землю патагонов, или Огненную.

**** Гибралтарский пролив. Это относится к тому времени, когда в первый раз Флот российский был в Средиземном море.

Как утренних паров громады голубые,
Открылися пловцам утесы гор крутые;
Со трепетом от них, с роптанием волна
Неслась — клубилась — и в недре вод таилась.
На высоте скалы сень миртова явилась,
 И некий муж седой,
С челом возвышенным, в божественном сияньи,
 В чистейшем снега одеяньи,
Стоял, и на воды простертою рукой,
Казалось, усмирял стихий сердитых споры.
 Мгновенно позлатились горы,
 И расцвело лице морей!
 Раздался глас среди кораблей:
«Приветствую тебя, народ непобедимый!
 Приветствую тебя,
 Друг Неба, славою и счастьем любимый!
Спешి пожать дары, которые судьба
Тебе повсюду насадила!
Где россам есть предел? Где может изнемочь
 Неистошима́я их сила?
Сей гений,* десяти столетий грозну ночь
 С рамен твоих сложивший
И славу будущих столетий золотых
 Трудами многими немногих дней своих
 Для россов утвердивший,
Сей гений не за тем с небес к тебе сходил,
 Чтоб твердию одной себя ты оградил!
 Защитник царств, народов примиритель!
Исполни долг, — и будь ты моря покровитель!
Да звезды новые отселе возблестят
 Твоих героев именами,
Народы новые щедрот твоих дарами,
 А земли — славою возгремят!
Увы! с тех самых пор, как злато кастилана
С проклятьем страждущих, с реками крови, слез
Упало на помост жемчужный океана,
С тех пор, как знаменем и именем небес
Корысть надменная дерзнула украшаться,
 Чтоб кровью братий упиваться,
 С тех пор — моря противу нас,
И век открытия в заре своей погас!
Злодейство кончилось! Осталось подозренье!
Летит пред флагами, слетает с берега флот,
Своим дыханием мрачит лучи доброт
 И раздувает возмущенье!
За страсть единого лишился разум крыл;
 Наука посрамилась;
 Дух испытания уныл!
Природа от детей свирепых отвратилась

* Петр Первый.

И, шаг им уступив, — оплакала его!
 Я слышал голос бурь в тьме гроба своего:
 Страшится! мы мстим Пизаров преступленью!
 О росс! в твоей душе их теням очищенье!
 Кому поверит правый бог
 Невинну простоту детей непросвещенных,
 Для сердца отчего не меньше драгоценных?
 Тому, который мог
 Покрыть единою порфирию святою
 Бесчисленность племен, языков, нравов, вер,
 И, все отдав права, оставил за собою
 Лишь право подавать им доблести пример!
 Тому, кто научил курильца, камчадала
 Их счастье находить в их собственных сердцах!
 Тому, которого правдивость восставляла
 Столь часто равенство Европы на весах!
 Так! так! открылось мне судеб определенье:
 Я вижу в мире мир! всё в радости, в движенье!
 Россия посреди... для всех отверстый храм,
 Благодворению и правде посвященный!
 Там жертву принесли отцов своих богам
 Народы всей вселенны!
 Не бездны влажные, не скалы дальних гор,
 Не бури братьев разделяют:
 Их страсть одна делит, влекущая раздор!
 По манию любви — и бездны иссякают,
 И горы падают в глубоки недра рек,
 И африканец — человек!
 По манию любви — расставшийся с лесами,
 Где страх стрежет людей, гремя вокруг них цепями,
 Хилиец счастливый, под пальмою родной,
 Воссядет, воспоет в сердечном умиленьи
 Подателя своей свободы золотой,
 Познает суевер ко крови уваженью
 И чистой жертвою украсит алтари!
 Остяк бездейственный — бездействия вострепещет!
 Оставит камчадал походные шатры,
 И новый град в струях Амура блещет:
 Пример мемфийской суеты!
 Оплоты дивные искусный хан ломает
 И в храмах праотцев* их тени вопрошает:
 Откуда сей закон, плод гордой слепоты,
 Который вас учил от света отчуждаться,
 Чтобы в младенчестве своем — состареваться?..
 Но что зрю далее? где Тифисы прошли?
 И юг, и север им чертоги отверзают!
 Незаходимые светила озаряют
 Последни таинства земли!
 Сибирь пустынная покрылася градами!

* Род китайских кладбищ. См. «Путешествие» Макартнея.

Торговля в новые пути устремлена,
 Рифей и Кордильер меняются дарами,
 И Волга с Гангесом навек обручена!
 И здесь — на месте сем, где мне судьба судила
 Быть жертвою моею к отечеству любви,
 Я зрю — со славою цветет моя могила!
 Жалеют правнуки о прадедах, в крови
 Омывших бедственные руки,
 И превращаются — в друзей!
 Чего не освятит луч доблести твоей!
 Чего не озарит волшебный луч науки!
 Друг добрый моего отечества, спеши!
 Заслуживай, дели с ним мира удивленье!
 Сего бо хочет бог. Его благоволенья
 Из уст моих внуши!»
 Изрек! Россияне еще внимать мечтали
 Божественный глагол... «Но кто ты, — вопрошали, —
 Кто ты, поведай нам: иль человек, иль дух?» —
 «Я слава Кукова, — вещает тень священна, —
 Сей остров есть мой гроб; мой вечный храм — вселенна!»
 С сим словом скрылся вдруг.

7 июня 1804

МЯЧКОВСКИЙ КУРГАН*

Остановися, росс! Се путь твоих побед;
 Се путь к могуществу, к державе похищенной;
 Се подвиг, счастью потомства посвященный.
 Бог мщенья — твой вождь; тела врагов — твой след;
 Добыча милая — родительские кости,**
 Не защищенные и матерью-землей
 От хищных, лютых чад неверия и злости.
 Ты шел, и прадеды-страдальцы пред тобой
 Неслися в облаках, как молнии пред громами;
 Вниз падали мечи,*** и глас гремел в боях:
 «Отмсти, отмсти за нас на наших же гробах!»
 Кто может стать на брань с неистовыми львами,
 Которых бедствия, гоненья, плен и глад,
 Два века страшные**** учили побеждать?

* По Коломенской дороге, в 30-ти верстах от столицы, при самой переправе через реку Москву, на горе находится преогромная насыпь, в знак бывшего там сражения с татарами, опустошавшими столько времени Россию. Здесь погребены убитые россияне. Я восходил на вершину кургана. Прекрасное местоположение, вдали древняя столица, которую (по крайней мере, так уверяют) можно видеть отсюда в ясную погоду, самый курган, как величественный памятник упавшим за свободу отечества, — вот что заставило написать сию пиесу. — *Ав<тор>*.

** Это было зверское обыкновение татар. Они разрывали гробы знаменитых россиян по жадности к богатству; они из черепов убитых героев делали чаши и употребляли их при пиршествах. Россияне дорогою ценою выкупали сии драгоценные остатки своих соотечественников. — *Ав<тор>*.

*** Такие чудеса часто встречаются в летописях. — *Ав<тор>*.

**** Почти двести лет Россия находилась под игом татарским. — *Ав<тор>*.

Пошли, ударили — и цепи сокрушились;
Россия процвела и славой, и красой!
И, скиптром очертив полсвета пред собой.
Вступила на среду, и царства преклонились.
Где ж те, которых кровь дала нам жизнь и свет,
Где ж те, которых кровь нам славу искупила?
Мать нежная своих героев не забыла:
Се высится гора на месте их побед.
Се богу-мстителю возник алтарь любви
Из праха славных жертв, упавших за него,*
Отверзлись небеса над полем скорби, крови,
И счастье мирное украсило его.
Забыло эхо гул военной непогоды
И учит по лесам лишь песни пастухов;
Весна румяная там водит хороводы,
Где прежде грозный Марс водил своих сынов.
Бог мира семя благ на ниве бедствий сеет,
И над могилами, где кровь лилась рекой,
Как море зыбляся, золотая жатва зреет.
Там резвятся стада, рассеясь под горой;
Там робкая любовь с беспечностью играет
Под дубом вековым, которого в тени,
Быть может, некогда, во времена войны,
Израненный герой, с сим светом расставаясь,
На ветви гибкие повесив бранный меч,
Друзьям еще твердил отечество и честь.
В сумраке вечера оратаи, собираясь
На холм, скрывающий великих предков прах,
Заводят разговор о страшных временах,
И трепет по сердцам бежит струею хладной,
Когда ведется речь про бурю сечи ратной.
Им кажется вдали: полки богатырей,
Склонясь на облака, луною посребренны,
Несутся — не в грозе, не в треске стрел, мечей,
Но так, как гении-хранители вселенны!
Там воет темный бор, их чувствуя приход;
Река игривая свой бег останавливает;
Звенят оружия, сокрыты в недрах вод;**
И, кажется, гора чело приподнимает,
Чтоб плески радости и славы повторять.
Сюда приди, о росс, свой сан и долг узнать.
Здесь горняя любовь, в устах своих героев,
Речет к тебе: «Постой, мы пали среди боев,
Мы пали за тебя, за твой покой и честь:
Помысли, что нам в дар можешь ты принести».

<1805>

* На вершине кургана была построена церковь, в которой совершались поминовения по усопшим. И теперь еще видно несколько камней, означающих место алтаря. На одном из них вырезано имя святого, которому посвящен был храм. — *Ав<тор>*.

** В реке Москве нередко находят и поныне древние оружия, как-то: бердыши, кольчуги, колья и пр. — *Ав<тор>*.

К НЕСЧАСТИЮ

Зевесов сын, тиран жестокий,
Гроза рабов твоих земных,
Чей бич железный, чьи уроки
Для добрых страх и казнь для злых,
Владыка жизни сей убогой!
Твои оковы, плен твой строгой
Смиренью учат гордеца:
Твои нося в груди отравы,
Стенает царь, сын нег и славы,
Под блеском пышного венца.

Когда судил творец вселенны
К нам добродетель ниспослать,
Тебе сей плод небес священный,
Тебе велел он воспитать,
Облечь дух — в крепость, сердце — в нежность!
Учитель грозный!.. горечь, бедность
Назначил ты друзьями к ней;
Ей пища — слезы; долг — терпенье;
Ты рек ей: «Часть твоя — смирение;
Знав скорбь, о всех скорбеть умей!»

Бог страшный! всё с тобой мертвеет:
Улыбка счастья, блеск честей.
Возришь — и роскошь цепенеет;
Лик буйных смехов, игр, затей,
Как пепел, с ветром разлетится;
К нам наша совесть возвратится,
И жар к добру в нас оживет;
Лесть крадется с развалин счастья;
Оставит нас среди ненастья
И ложный друг, и раб сует!

Паришь — и мудрость освященна
С челом потупленным, — вдали,
И дева ночи умиленна,
Задумчивость, склонясь к земли,
Полет твой шумный наблюдают.
Тебя всегда сопровождают
Любовь, бесценный дар небес,
И правота, к себе жестока,
И милость, врач в гоненьях рока,
Целящий раны током слез!

О божество неумолимо!
Сколь страшен гром руки твоей!

Да прѳйдет он, гремящий, мимо
Над робкою главою моею!
Да не узрю тебя я вечно
Под видом мести быстротечной,
Несущей казни злобу стерть;
Твой взор есть яд, твой голос — громы,
И слуги — страхов адских сонмы,
Отчаянье, недуги, смерть!

Явись, как ангел умиленный,
И мир небесный возвести!
Терпеньем, мудростью священной
Мое ты сердце освяти;
Влей в чашу зол мне утешенье,
Возжги во мне к добру стремленье,
Учи любить, прощать в свой век;
Да о других всегда болею,
Смирюсь в душе — уразумею,
Что я такой же человек.

<1806>

К ЛАУРЕ ЗА КЛАВЕЦИНОМ
Из Шиллера

Когда твоя рука летает по струнам,
Лаура! — исступлен, восторжен к небесам,
Одною душою живу и наслаждаюсь;
И, обездушен вдруг, я в камень превращаюсь!
 Ты жизнь даешь, отъемлешь вновь;
Так сильно общее сердец соединенье,
В бесчисленных путях взаимное влечение;
 Всесильна так — одна любовь!

Благоговением священным упоенный,
Прохладный ветерок чуть дышит над тобой,
 Но, бурей песни пробужденный,
 Крутится в вихрях сам с собой!
Природа, алчная к твоим восторгам, страстно
Приникла и молчит! — Волшебница! — воззришь,
И я весь твой навек! — Струнами загремишь,
 И всё тебе подвластно!

Как море, разлилась гармония живая,
Всеусладительный в согласии раздор!
Так, в искрах пламенных от света изникая,
 Рождался ангелов собор!
Так в недрах хаоса, из бурь животворящих
Раскрылись, понеслись полки миров блестящих,

И ночь зарделася от утренних лучей!
Таков волшебный тон гармонии твоей!

Умолкни всё!.. он тих, он сладок, как ручей,
По светлому песку струи свои катящий
И робким шепотом с цветами говорящий

О нежности своей.

Убойтесь, тираны!

В величестве святом и грозном он течет,
Как горние громов органы.
Внемлите: водопад ревет,
Кипящей пеною граниты омывает
И в брызгах тучи составляет!

Но се! — манит меня, как легкий ветерок,
Когда он крадется сквозь липовый лесок,
По ветвям тихо пробираясь
И, самой негой утомляясь,
Еще шумит... еще дохнул
И в розовом кусте заснул.

Премена чудная!.. что сделалось со мною?
Так тяжело! так темно!.. не область ли теней,
Не Орковы ль поля я вижу пред собою?
Везде уныние... и бледный вид скорбей!
Печальная сова ночь сонну пробуждает;
Влачась слезною волной,
Коцит едва мелькает.
Всему конец!.. всему покой!

Остановись, скажи: не с горними ль духами
Беседует мой дух? Не с горними ль певцами
В союзе ты святом?

Открой мне таинство: не сим ли языком
В эдеме праведных веселие вещает,
Когда Егову прославляет?

<1806>

ТОРЖЕСТВО ДЛЕКСАНДРОВО,
ИЛИ СИЛА МУЗЫКИ

*Кантата Драйдена в честь святой Цецилии,
переложенная с наблюдением меры подлинника*

На царственном пиру, как перс упал
Монарха юного рукой,
Божественный герой
В величестве сиял
На троне золотом;
Вокруг его — вождей бесстрашных сонм!

Цветущи розы в их власах,
И мирты вьются на челах!
Как утра тихого заря,
Таиса, об руку царя,
Предмет его очей,
Сияла прелестью и младостью своей.
Ликуй, ликуй, ликуй, чета!

Тебе, герой,
Тебе, герой!
Тебе, герой, награда — красота!

Певец восстал; за ним
Огромный хор вступил;
Он персты к арфе приложил,
И бурна песнь лиется в слух —
В восторгах тает дух!

От Зевса слово. Он
Оставил свой и храм, и трон —
Так всемогущ любви закон!
Дракона гордый вид приемлет царь богов,
Парит средь радужных кругов,
К Олимпии парит, к красавице приник;
В ней отразился Зевсов лик,
И новый Зевс — велик!
Высока песнь восхитила собор;
«Се бог наш!» — вопиет благоговейный хор;
«Се бог наш!» — разнеслось, как волн шумящих спор!

И гордый взор
Подъял герой!
И мнит: я бог!
Подвиг главой,
И мнит: дрожат миры у ног!

Потом священный бард честь Бахуса поет:
Прекрасный Бахус вечно юн!
Триумф! бог радости грядет!
Гремите, трубы, днесь! раздайтесь, звуки струн!
Лице его горит в смеющихся зарях,
Величество в очах.
Раздайтесь, трубы! он спешит! спешит! спешит!

Вечно юн, и вечно мил,
Бахус счастьем научил!
В нем богатство храбрых воев!
Он отрада после боев!
В горе — сладость;
В счастье — радость,
Врачеванье слабых сил!

Царь гордый, песни вняв, свои победы зрит;
Он вспомнил славну брань,
Забывшись, поднимает длань,
Трекратно поражал, трекратно вновь разит!

Таков героя ратный жар!
Глаза горят, лицо блестит;
Казалось, он с землей и с небом в брань спешит,
Но по струнам удар —
Неистовство молчит!

Унылый, тихий тон
В геройско сердце жалость льет!

Он пел: царь персов был
Велик и добр; но рок судил —
Он пал, он пал, он пал, он пал!
С высот величия упал!
Влачится там в крови густой;
Забит, оставлен в нужде злой
От всех, кого любил душой!
Нет сердца — горесть усладить,
Нет друга — вежды затворить!

Герой, склоня главу, в безмолвьи председал,
Покрытый мрачною тоской;
На бег фортуны он взирал:
«Что вечно?» — думал и вздыхал,
И слезы полились рекой!

Певец, осклабясь, зрит легко,
Что до любви недалеко!
Он сладки звуки строит вновь:
Где состраданье, там любовь!

Нежно, сладко лейтесь, песни,
Страстным пламенем в сердца!

Брань — мученье и труды;
Честь — прозрачный клуб воды!
Век растет, а все начало;
Всё сражает, всё ей мало!
Небо подвиг твой венчало:
Время, время насладиться!
Здесь Таиса восседит!
Слава в ней тебя дарит!
И с шумом радостным собор вождей гласил:
«Любовь, восторжествуй! Бог песней победил!»

Монарх не мог любви скрывать:
Взор томный заблистал;
Он таял и молчал!
Что взор — то вздох; что вздох — то взор;
Что взор — то вздох опять.
Против любви вина герой не устоял —
На грудь Таисы пал!

Раздайся! лиры звук, промчись!
Сильней, еще сильней, как бурный вихрь, крутись!
Прерви ничтожны сна оковы!
Восстань, восстань, герой, на подвиг славы новый!
И се! — В ужасный час
Он внемлет грома глас!
Как из могилы, вдруг
Восстал, и зрит вокруг!

Отмсти, отмсти, отмсти! — повсюду вопиют.
Фурии грозны бегут!
Над тобою их змеи висят!
И свистят, и шипят,
И черное пламя рекою клубят!

Зри: тени бледны в облаках!
Перуны в их руках!
Кто вы? — не души ли героев, убиенных
На поле битвы злой?
Там трупы их забвенны
Лежат в крови густой
И просят погребенья!
Я слышу страшный глас!
Мщенья! мщенья! мщенья!
Возьмите стыд от нас!

Зри: тамо искры шумят с облаков,
Над Персеподем вьется пожар!
Над божницами грянул удар!
Неистовых клики раздалась в стенах,
И герой устремился с перуном в руках!
Таиса с ним грядет,
Таиса грозного влечет!
Елена новая! — и новой Трои нет!
Так Тимофей,
Когда органы не вещали
И трубы слух не поражали,
Пленял всех флейтою своей!
И дивный лиры строй
И ярость, и любовь везде водил с собой!

С небес Цецилия сошла,
И тайна музыки открылась,

В очарованиях, в чудесностях явилась
И нову область обрела
Для беспредельного искусства,
Великолепье, слава, чувства,
Стремясь за гением на огненных крылах,
Гремят в несчетных голосах!

Бард древний побежден!
Нет! слава — равный их удел!
Им смертный в небо возведен;
С ней ангел к нам слетел!

<1806>

ЭЛЕГИЯ
Из Парни

Страдания любви разлукой облеγχатся! —
Я думал прежде так; от милых мест бежал,
Которые моей жестокою гордятся.
Сокрытый в сих лесах, куда не проникал
Свет солнечный вовек, повсюду обретаю
Одно безмолвие; но где покой — не знаю.
Блуждая в тайной тьме излучистых путей,
Достиг я наконец вершины гор надменной,
Делящей облака, ходящие под ней.
Какое зрелище! — мой взор обвороженный
Летал в безмерности, расстланной предо мной;
Явилось море мне равниною чудесной,
Слиянную вдали с лазурию небесной!
Минута! — всё цветет; и в ясности живой
Играющий зефир жар солнца прохлаждает;
Но вдруг — повсюду тьма! и буря завывает!
Когда зима престол свой ставит на горах,
В то время летний зной свирепствует в полях!

В громовом шествии пылающая лавы
Погибли все весны забавы и труды;
Растопленный гранит являл ее следы.
Лоева зачахли вокруг; в унынии дубравы.
Ни милый птичек глас, ни дикий рев зверей
Не смеют пробудить пустыни мрачной сей!
Всё тихо, всё мертво! — умрите ж, воздыханья!
Умрите, бурные желанья!
Моя надежда — призрак сна!
Жестокою навек забудем,
Злой пламень истребим иль будем
Непостоянны, как она!
Нет! нет! — нигде себя не скрою:
И здесь найдет меня любовь!

И здесь прелестная со мною.
Противлюсь — и пылаю вновь!
Довольно имени любезной —
И вновь поток лиется слезный!
О боги!.. ах! когда престану я страдать!
Сокройте от меня вы взор ее прекрасный!
Тушите страсть мою! — она, как грозный ад,
Свирепствует в груди. — Усилия напрасны!
Тогда бы перестать любить,
Когда престал ты милым быть!
Меж тем как в жалобах и пламенных слезах
Я изливал свои сердечные мученья,
Явились новые предметы удивленья,
И мрак уныния исчез в моих глазах!

Я зрел: передо мной, рождаясь, кружились
Повсюду быстры ручейки,
И в детской резвости, слившись, вновь стремились
В кипящей полноте свирепья реки;
Терзая грудь берегов, клубясь в ожесточенье,
Влекла она с собой потоп и разрушенье;
Дробимый ветром шум стонал в глуши лесов;
И древний океан, в величестве смущенный,
Приемлющий ее в объятья растворенны,
Казалось, уступал неистовству валов!
Я зрел: утесы обнаженны,
Подъемляся челом,
Грозили досягнуть в пределы возвышенны,
Отколь свергался гром!
Там древность чудная везде изобразила
Священную печать... взор, мысль моя парила
Вослед ревуших вод — от гор к другим горам,
От облаков ко облакам,
Из бездны в бездну преносилась,
Но вдруг во ужасе своем остановилась!
Природа дивная! здесь, здесь твой тайный храм!
Я прикасаюсь! ко матерним стопам.
О, как приятна мне унылость дебрей диких,
Начальные черты трудов твоих великих.
Я в чувствах сладостных, как отрок, веселюсь
И с трепетом дивлюсь!
Почто не можно мне в юдоли сей блаженной
От света утаить остаток скорбных дней,
Почто нельзя отдать ей горести своей!
Она везде со мной! — когда, ожесточенный,
Хочу неверную навеки позабыть,
Язык мой изменяет!

Он имя милое невольно повторяет;
Сказав однажды, я стремлюсь его твердить;

И дебрь пустынная, всех тайн моих могила,
Ему отвечает стенанием глухим;
Моя рука его на камне начертила
Со именем моим!

Быть может, странник здесь, на сих древах почтенных,
Найдет следы имен, любовью освященных,
Смутится он; и в миг восторга своего
Внезапно возгласит: «Чрезмерна страсть его!
Он пел любезную во тьме уединенья;
Он плакал без друзей, страдал без утешенья;
Прочтем его стихи, слезами их почтим:
Любовь, сама любовь рыдала вместе с ним!»

<1806>

К НЕИЗВЕСТНОЙ ПЕВИЦЕ,
КОТОРОЙ ПРИЯТНЫЙ ГОЛОС ЧАСТО СЛЫШУ,
НО КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ ВИДАЛ В ЛИЦО

О ты, которая скрываешься от взоров,
Любезно божество иль милая мечта!
Единая из фей, царица горних хоров!
Иль дева смертная, славянок красота.

Непостижимая!.. тебя я понимаю!
Нет более препон, делящих нас с тобой.
Когда — восторженный — твой сладкий глас внимаю,
Я зрю тебя, не зрев!.. так! ты передо мной!

Кто чувства выражать способен столь прелестно,
Тому ли в сердце чувств нежнейших не питать?
Ах! песнь твоя — орган души твоей небесной;
Одним чувствительным гармонией пленять!..

Природа, чудеса которой ты гласила,
Природа ли себе захочет изменить?
Нет! мать гармонии, она определила
Прекраснейшей душе в прекрасном теле жить!

Склонясь над арфою в священном умиленье
И взоры устремя к мерцающим звездам,
Зари вечерняя ты славишь появленье
И тихий сердца мир, безвестный злым сердцам!

И се, дум горних полн, за звуком струн гремящих
Твой ум теряется всевышнего в делах,
Я вижу новый свет и ангелов парящих,
И бога, и... тебя в блистающих лучах!

Но вдруг унижен тон... в душе моей унылость;
Я чувствую, как мал пред вышним человек,
Но гласом сладостным твоим вещает милость:
«Сын праха, ободрись! печали краток век!»

Так! есть бессмертие!.. оттоль сей звук исходит!
Он камням жизнь дает, он движет древеся,
Он злобного на гроб неволею приводит,
Он мирно праведных зовет на небеса!

Смятение вокруг... гул битвы пролетает!
Стук копий, звон щитов, свирепых клики, стон!
Гремит! еще, еще... вдруг тише замирает,
И глас победы слит со гласом похорон.

Кто шествует во тьме на диком поле боя?
Власы взвевает ветер, смерть бледная в очах!
Невеста юная! ах! нет уже героя!
Нет милого... он пал... и в прахе смерти... страх!

С любовью рук своих к тебе не простирает;
Уста закрытые тебя не назовут!
Не ждите, мать, отец! он там вас ожидает,
Там, там, куда ни смерть, ни горесть не придут.

Но слезы осушим! другое песнопенье!
И радость, и печаль — всё слито под луной!
Разлука горестна, но сладко съединенье!
И счастье мило нам лишь прошлого бедой.

В вечернем сумраке нежнейшей полны страсти,
Любовники одни... нет слов... рука с рукой!
Не верят счастью и новой ждут напасти;
Нет, нас не разлучат! «Моя!» — «Ты вечно мой!»

Он арфу взял... свои печали воспевает,
Как он карал врагов, как видел смерть в полях!
Красавица дрожит, бледнеет, оживает,
И вся душа ее драгого на устах,

Сколь силен твой язык, о смертных утешенье,
Могущая любовь! сомнение с тоской,
Надежды, жалобы, восторги, упоенье,
Блаженство двух сердец... Волшебница! постой!

Я в страхе, трепещу! кто песне сей внимает?
Кто, слишком счастливый, у ног твоих лежит,
Томится, слезы льет, любовью нежной тает
И на глазах твоих ее сиянье зрит?

Ты плачешь и сама... звук молкнет... нет! мечтанье!
Нет, ангел! ты одна с вечернею зарей!
И песнь твоя есть чувств безвестных излиянье.
Твой гений в тишине беседует с тобой!

Всё мертво — всё молчит, как ночь в могиле холодной!
Где ты, прекрасная? что сделалось со мной?
Что, сердце, ты грустишь? не верь мечте отрадной!
Ах, поздно! ах! прости, свобода и покой!

<1808>

ПРИЗЫВАНИЕ КАЛЛИОПЫ НА БЕРЕГА НЕПРЯДВЫ*

Песней сладостных царица,
Мать восторга, Каллиопа,
Из небесного чертога
Преклонись к моленю сына!
Он, тобою вдохновенный,
Принял лиру златострунну
От тебя перед престолом
Добродетели небесной.
Принял с тем, чтобы в восторге
Петь небесну добродетель, —
Ты сама его учила
Прославлять святую правду,
Велелепие природы
И в природе чтима бога.
Слух ко мне склони, богиня!
Иль пошли мою мне лиру
На крылах послушных ветров,
Иль сама ко мне явися,
На берега сойди Непрядвы!
Здесь цветы благоухают;
Здесь желтеет всюду жатва;
Здесь смеется луг зеленый!
Ждет тебя сама Диана:
Уклонясь под сень дубравы,
В гроте сладостной прохлады,
На одре роскошной неги
В полдень жаркий отдыхает
Звероловная богиня;
Тщетно ждет приятных песней;
Нимфы здешние безмолвны
Ищут фавнов по дубравам.
Кто прекрасную утешит?..
Сниди, сниди, Каллиопа!..

* Река, известная по той победе, которую Дмитрий Донской одержал на берегах ее над Мамаем.

Ждут тебя Помона, Флора,
Ореады, Нереиды,
Дщери резвые, молодые
Тихоплещущего Дона.
Ждут тебя... приди, богиня!
Храм оставь свой златоверхий
И явлением благодатным
Благовонный сад придонский
Обрати в сады Парнаса!
Научен тобой — с тобою,
На твоей волшебной лире
Буду петь поля и рощи,
Славить прелести природы;
Иль под сумраком вечерним,
Пробужденный к восхищению
Шумом легкого зефира,
Воспален делами славных,
Воспою... и бранны тени
Наших прадедов-героев
В светлом месяца блистаньи
Тихо спустятся к Непрядве:
Зазвенят мечи, и стрелы
Засвистят под облаками,
Вдрогнут гробы побежденных,
И Димитрий в сонме бранных
С тучи взглянет на Непрядву;
«Здесь, — речет, — я мстил за россов;
Здесь низринул в ад Мамаю!»
Россы, глас его услышав,
Вновь о памяти героя,
Вновь душой возвеселятся!..
Так я буду петь, богиня,
От любви склоняясь к брани,
И от брани к мирным сеням
Сельской жизни благодатной.
Нимфы песнь мою услышат,
И, приникнув к тихой урне,
Дон, венчанный осокóю,
Легким струй своих плесканьем
Будет вторить звукам лиры.
И тогда, когда в тумане
Тень моя носиться будет
Над моим безмолвным гробом,
И тогда моя здесь память
Громозвучным водопадом,
Потрясающим утесы,
Для потомства сохранится;
И тогда к громам героев
Приобыкшее здесь эхо
Не забудет древних песней

Их воспевшего поэта!
А теперь моя награда —
Поцелуй моей Надины
И венок, ее руками
Для меня вчера сплетенный.

<1808>

К ЭЛИЗЕ,
КОТОРАЯ СТРАЖДЕТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЮ БОЛЕЗНЮЮ
Писано в начале нынешней весны

О ты, в которой бог — всех дней моих блаженство,
Всё милое мое судил мне показать,
Чтоб обольщенному страдания познать;
В которой видел я природы совершенство,
Вещай, почто она, законы позабыв,
Свой ход переменяет?
Почто глава светил, в среду небес вступив,
Благотворящего огня не разливает?
Почто, туманной мглой одеяв свой чертог,
Доселе медлит он над нашею страною
Явиться с милою сопутницей, весною?
Когда свирепых бурей бог
Владычество его оспаривать престанет
И радостно земля проглянет?
Увы! всё, всё — земля и небеса,
Природа, кажется, с твоим тоскует другом,
Взирая на тебя, терзаему недугом!
Творенье лучшее творца,
Возможет ли он нас обрадовать весною,
Когда весна не воззовет
Тебя к здоровью и покою?
Где ж первый взор ее отраднее блеснет,
Когда он не блеснет в твоём унылом взоре?
Где веселиться ей, когда Элиза в горе?
Где лучше расцвести, как, ангел, не в тебе?
Подобно бледному пловцу среди волненья,
Стихий разгневанных в борьбе
Бесплодно ждущему знакомых звезд явления,
Путеводителей к любезной стороне,
Я взор свой на тебя едину обращаю
И в нетерпении безмолвном примечаю,
Когда наступит час прийти моей весне!
Так, для души моей, о друг мой несравненный!
В выздоровлении твоём она придет;
В тебе возвеселит улыбкой драгоценной;
В тебе, Элиза, расцветет;
В тебе благотворить и восхищать нас станет;
В тебе и на мою печальную музу взглянет,

И всё примет новый вид,
 Природа радостной одеждою возблещет,
 И оживленный лес, при тихих ветерках,
 Зеленой тенью вострепещет;
 Ковры расстелются в лугах;
 Как бисером, ручьи посыплются струями;
 В дубравах гимны возгремят;
 Амуры радости на землю низлетят,
 Украсят милую цветами.
 И я, восторженный, свой голос вознесу,
 С природой вместе дар Элизе принесу.
 Надежда сладкая! О боже! о всесильный!
 Которого с тех пор я боле начал знать,
 Как стал Элизу обожать,
 Источник благодати обильный,
 О горящая любовь! услыши стон любви;
 На слезы преклонись, на лютое страданье,
 Соделай чудеса — укрась свое созданье
 И скорбный дух мой оживи!..

 Элиза! бог благий мольбе моей внимает!
 Могу ль роптать, что он весны не возвращает!
 На что она, к чему? Когда для всех других
 Покрыт лазурный свод одеждою туч густых;
 Когда свирепствуют метели,
 Морозы снова прилетели
 И в белых ризах древеса...
 Мой бог мне милостив! я вижу: небеса
 Отверзлись, процвели, природа обновилась,
 Весна с любовью на землю ниспустилась,
 И всё ликует в тишине...
 Ах, нет! ты улыбнулась мне!

Весна 1808

НАДГРОБНАЯ ПЕСНЬ

З А ЧУ БУРИНСКОМУ,
 СОЧИНЕННАЯ В ДЕНЬ БГО ПОГРЕБЕНИЯ
 И ПЕТАЯ В СОБРАНИИ ДРУЗЕЙ ЕГО

Брат любезный, в землю хладную
 Прах скрываем твой без горьких слез:
 Ты из горния обители
 Преклоняешь к нам веселый взор,
 Простираешь к нам объятия.

Бремя жизни — бремя тяжкое —
Ты, счастливец, ты сложил навек!
Мореходец — на берегу своем!
Дальний странник — в милой родине!
Юный ратник — с мирной пальмою!

Ах! когда, когда и к нам придет
Благовестник чистой радости,
Час последний — грусть последняя!
Ах, когда с тобой увидимся!
Ах, когда от бед укроемся!

Ты страдал — ты, жертва бедствия,
При друзьях, как без друзей, страдал!
Родом, ближними оставленный,
Ты давно уже не нашим был,
Ты давно уже оставил свет!

Мир с тобою, тень любезная!
Жизнь дала тебе гонителей;
Ангел смерти — примиритель твой:
Он мирит тебя с самим собой,
Он мирит тебя с жестокими!

Дуб валится, блекнет юный цвет
В час единый... кто ж жил долее?
Радость, горечь — мера наших дней!
Для! страдания — ты долго жил!
Ты воскрес теперь — для счастья!

Ты прозрел — для тайной истины,
Непостижной для друзей твоих!
Ты внимаешь лиры ангелов,
Ты пьешь воздух жизни вечная,
Ты свободен, ты далек от нас!

Нет, спутник! нет, — ты ближе к нам!
Ближе к сердцу, к чувствам братии!
Не трудами ты привязан к нам,
Не слезами с нами делишься,
Не терпеньем жизни горькия!

Ты бессмертьем с нами делишься,
Чувством сладостным, достойным нас,
Сим сокровищем наследственным!
Ты вещаешь нам: увидимся!
Ты еще теперь дороже нам!

Почему ж фиалы пиршества,
Почему, друзья, не налиты?

Отчего же ваш унылый взор
Видит место незанятое,*
Ищет образа знакомого!

Веселись в чертогах вечности,
Веселись, друзьями встреченный!**
Ах! тебя ли в раннем цвете лет,
Одного ль тебя лишились?
Тамо братья ждут нас многие!

Мы придем, придем с любовью,
С чистой совестью и с верою!
Может быть, теперь в последний раз
Мы, сорвав цветы весенние,
На твою могилу бросили!

1808

МАРШРУТ В ЖОДОЧИ

Дорога ко друзьям верна и коротка;
Но в наш проклятый век железный
Стал надобен маршрут и к дружбе даже нежной!
Итак — вам встретится сперва Москва-река.
Ступайте по стезе, давно уже известной
Бедами россиян; дерзайте на паром
И по Смоленской прокатитесь
До ближняя горы, где бьют Москве челом.
И вы не поленитесь
Последний дать поклон московским суетам,
И тотчас влево от Поклонной
К унылой Сетунки струям,
И близ Волыни сонной
К Очакову направьте путь,
Отколе сладостный писатель Россиады
Вливал восторги в русску грудь.
А там без веяния преграды,
Стезею ровной и прямой,
Вы на Калужскую явитесь столбовую
И мимо Ликовой
В деревню въедете ямскую:
Ее Давыдковом зовут.
Оттоле... как сказать?... вот вся премудрость тут:
Вы там заметьте дом, зовомый постоялым,
И близ его ворот
Велите рысакам удалым
Налево сделать поворот.

* Место покойника в этом собрании оставлено было незанятым.

** Некоторые из друзей покойника умерли прежде его.

И, поручив себя: всеильной вышней воле,
Стремитесь к Старому Николе,
Где барин Есипов уже пятнадцать лет
Готовит сахар нам, а сахару всё нет!
А там — что говорить? — Малютка всякий скажет!
Где радость, где любовь, где Жодочи для вас,
И путь вернейший вам укажет,
И вы с любезными обниметесь чрез час!
Когда же путь свой совершите,
Прошу вас, о певце печальном вспомните,
О скуке сироты, коль можно, потужите
И всем его поклон нижайший объявите.

Между 1810 и 1812

РАЗЛУКА Я ЛЮБОВЬ

Однажды встретилась Разлука
С Любовью страстной на пути.
«Опять? Так скоро! Грусть и скука,
Опять должна сказать: прости! —
Любовь рыдает. — О, мученье,
Иль мало собственных мне бед!
Измена, ревность, подозренье:
Против Любви целый свет!

Где свыкнутся душа с душою,
Где только к счастью расцветут,
Далекой, близкою грозою
Не нынче, завтра ты уж тут;
Счастливы мучатся в сомненьи,
Не верен им ни день, ни час,
Трепещут в каждом наслаждении!
Всегда в устах: в последний раз!

С боязнью друга я встречаю,
С боязнью говорю: ты мой!
Его ко груди прижимаю,
А сердце ноет уж тоской!
Весь мир с тобою в заговоре;
И чиста радость никогда
Не светит в страстном, милом взоре,
И скорбь в душе моей всегда.

Не смотришь ты на нежны слезы
Младья, пламенной четы,
Снегами засыпаешь розы
И кроешь крепом красоты.
Тебя ни верность, ни страданье,
Ни добродетель не смягчат!

Всечасное души терзанье!
Нет, легче смерть тебя стократ!» —

«Сестрица, не ропщи! Всяк знает,
Я для тебя не так вредна, —
Любви Разлука отвечает, —
Я спутницей тебе дана
На то, чтобы твои утечи
Разнообразием питать,
Преображая в слезы смехи,
Твои желанья оживлять.

Неблагодарная! Что будешь,
Предавшись самой себе?
Ты цену радостей забудешь,
И радость надоест тебе.
Не я ль сердца друзей связую,
Препоной больше пламеню,
Терпеньем верность испытую
К бесценному свиданья дню!

Ах, нужно, нужно и ненастье!
Скажи, кто в свете бы возмог
Снести бесперерывно счастье?
Таких сил смертным не дал бог!
У легковерного младенца
Беру на время я цветок,
Чтоб новым подарить от сердца,
И, как играть, подам урок!

Но есть и радости со мною:
Не мне ли ты одолжена
Своей задумчивой слезою,
Как смотрится в окно луна
И ночь почиет над горами;
Не я ль во сне твой нежу дух?
Не я ль дарю тебя мечтами,
И целый мир с тобою друг?

Не мне ль обязана сей сладкой,
Меланхолической тоской,
Которой ты несешь украдкой
Всё в жертву: радость и покой.
О, рай души воспламененной!
Бог знает, кто милей из двух:
Желанный друг иль полученный?
Привычка — тягостный недуг!

Измены часто от разлуки!
Пусть так! Но кто же виновен? Ах!

Почто о том вздыханья, муки,
Который верен лишь в глазах!
Но ты всё плачешь... томны вежды,
Надолго ль? Говорят, не плачь,
Пади в объятия надежды —
Она твой друг, она твой врач!»

<1812>

К МОНУМЕНТУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ

На пламенном коне, как некий бог, летит:
Объемлют взоры всё, и длань повелевает;
Вражды, коварства змей, растоптан, умирает;
Бездушная скала приемлет жизнь и вид,
И росс бы совершен был новых дней в начале,
Но смерть рекла Петру: «Стой! ты не бог, — не дале!»

<1815>

БЕССМЕРТИЕ

Со славой зависть обитает;
Великий человек счастливым не бывает.
Искусство жить — всю жизнь свою скрывать,
И в смертный только час бессмертие начать!

<1815>

ВОСТОК И ЗАПАД

Возри на светлое Востока украшеньё,
И жизнью веселись!
Но ты страдал — тебе потребно утешенье:
На Запад обратись!

<1815>

ЧУДЕСНЫЙ ТОВАР *Разговор в таможне*

Смотритель

Отколь?

Купец
Из-за морей.

Смотритель
Куда?

Купец
Куда? В Россию.

Смотритель
Какой товар?

Купец
Товар? — бесценный, золотой...

Смотритель
Мне должно осмотреть!

Купец
Не строго, друг, постой!
Ты русский! ты велик! но здесь ты склонишь выю!

Смотритель
Что? как?

Купец
Здесь магазин всего:
Ума, безумия, нахальства, униженья,
Коварства, гордости, алчбы и развращенья;
Здесь тысячи вещей, и вместе ничего!
Злой свет и злая тьма, невежество и знание,
Ничтожность и блистанье,
Род жадной саранчи иль некой язвы яд;
Неволя с вольностью, безбожие и глад;
Берейтор, компаньон, лакей и управитель,
Кондитер, откупщик и мод установитель,
Подьячий и министр, агент и скороход,
И доктор для госпож, опасный для господ;
Ко счастью русского народа,
Болезней и лекарств обильная порода:
Здесь модна слепота,
Сердечна пустота,
Различные припадки,
Вертижи, лихорадки,
Болезнь; ни то ни се;
Короче — здесь есть всё:
Отец и друг, и брат, и сват-благотворитель.

Смотритель
Помилуй, кто же он, скажи?

Купец
Француз-учитель!..

Смотритель

Учитель! — Боже мой! хотя б взглянуть,

Купец

Нет! нет!

По вашей милости, прошло почти сто лет,
Как без осмотра мы товар сей отпускаем
И пошлин не даем.

Смотритель

Когда ж его узнаем?

Купец

Теперь нет времени; корми его, лелей;
А чтобы цену знать, отдай ему детей!

<1815>

ТРУД

Хор грянул!.. Кто слетел в гармонии небесной?
Не вы ли, девы гор, любезных для певцов?
Как пламень, как восторг — приход ваш благовестный!
О, радость, красота превыспренных умов!
Откройте, музы, нам в день светлых вдохновений,
Царю, отечеству священноприношений,
Откройте пир духовный нам,
В завет и чадам, и отцам!

От бога песнь течет, да взыдет в лоно бога!
Всепоклоняемый! — Ты будешь! — Был! — Един!
Во славе вечностью объятого чертога,
На камени твоих незыблемых судьбин,
В высоком благости, могущества совете,
Повсюду зримый свет в непостижимом свете,
Твоя премудрость председит,
Всё зиждет, держит и хранит!

Еще в безмолвной мгле хаосных бездн лежала
Недвижимая жизнь, как море без берегов,
Как ледяной океан без вида, без начала;
Всесильная рекла — раздался тьмы покров,
Стал ангел бытия и воспалил пучины,
И тронулись стихий таинственны махины;
Движенья, числа, меры, вес
Прияли ход, и труд воскрес!

Воскрес всеобщий труд — с божественного трона
Ниспосланную мысль в себе раскрывший мир,

Вседействующа жизнь! — Единого закона,
Единой воли плод! Огнь, влага, прах, эфир,
Несчетно разное несчетных сил слиянье —
Всё царственно труда благого одеянье!

Он времени душа и цвет;
И мир, и время в нем уснет!

Кто избранны его? Где сонм его венчанный?
Святое правило, век верное себе;
Порядок, стройности ревнитель постоянный;
Терпенье, крепкое превратностей в борьбе;
Хозяйство ясное со взором всестрегущим,
И опыт, судия минувшего с грядущим,

И ты, согласие, связь вещей,
Духов небесных корифей!

От ветров четырех четыре трубны гласа
Беседуют с тобой, о смертный царь земли!
Се! лето, и весна, и осень златовласа,
И грозная зима тебе рекут: внемли!
Ночь хартию из букв горящих разлагает;
День ризою пламенной свод горний облакает,

Чтобы во славе их лица
Ты зрел творенье и творца!

Что ночь сия? Что день? Что утро, вечер красный?
Что года времена, текущие чредой?
Мечтания очей, иль силы, нам неясны,
Боготворимые от робости слепой?
Зевес ли мечет гром, иль духи бурь могучи
В пределах огненных, как рати, водят тучи,

Чтобы поля плодотворить
И мир под небом водворить?

По мановению ль дриады молчаливой
Из корня сок, взнесясь, цветка приемлет вид?
Готовое ль в горах, судьбою справедливой
Утаено серебро и блеск алмаза скрыт?
Бриарея ль тесня, Везувий мечет лавы?
Нептуну ли Нерей вьет волны седоглавы,
И Тартара ужасный царь
Приводит трусом в трепет тварь?

Деятельность! везде твои явления дивны!
Везде присутствия всемогущего черты!
Что нами зримая природа? — непрерывный
Труд, духом вышнего живимый с высоты!
Что видимых вещей утраты, возрожденья?
Повсюду сущего труда преображенья,
И жизнь моя, скорбей сосуд,
Не есть ли духа, персти труд?

Кто тайными сопряг стихии все браздами,
Как всадник в поприще враждующих коней,
Кто тяготения нетленными цепями
Все солнцы съединил, как светлый круг детей,
С землею небеса бореньем благодатным,
И с сушею моря питанием возвратным,
И все три царства дел своих
Войною, службой, нуждой их, —

Тот настоящего в немноги влил мгновенья
Минувших дней искус, мечты грядущих лет,
Тот — вышний — дал во власть работы и терпенья
И меру наших благ, и меру наших бед;
Тот вечну прю возжег меж злом и добротою,
Тот страсти оковал взаимною борьбою,
Пороки совестью сразил,
Бессмертьем — ужасы могил!

Что радость? — робкая забота наслажденья!
Что скорбь? — с надеждою воюющий недуг!
Что страсти? — разума и воли треволненья,
Меж горним и земным работающий дух!
Труд царствует везде: чувств, мыслей воспитатель,
Он гения отец, богатств его стяжатель;
Где нет труда — огонь чувств без сил!
Высокий ум — орел без крыл!

Рвись, зависть, ковы строй — он змей поперет стопами;
Свирепствуй, нищета, — мужает он тобой!
Хлад душ! Презрение! растет, великий, вами,
И, победитель, мстит вам пользой вековой!..
Труд, в каплях падая, граниты пробивает,
Пронзает недра гор и блата иссушает,
На камнях Альпов хлеб растит
И в сердце злом добро плодит.

От слова — сонм миров вещественных согласный,
Что ж нравственны миры?.. слияния словес!
Язык — жизнь — труд умов, — повсёмственный, всевластный
Орган зиждительных, всеправлящих небес!
Труд в светлом образе гармонии священной,
Нисшед, собрал зверей, род, свыше отличенный,
Подвиг древа, кремень возжег, —
И встал царь тварей — человек!

Сколь сладостно труда среди семейств явленье!
Он, матери любовь, лелеет колыбель;
Он будит чувства, дает им направленье;
Отца испытный ум, он кажет подвиг, цель!

Он здравие, он страж; он присный наш хранитель;
Он в друге верном нам советник, утешитель,
Безмездный, даровитый брат,
Делитель скорбей и отрад!

Атлант, на раменах держащий неба своды,
Не труд ли свесил груз взаимностей и нужд?
Благотворящий дух, меж власти и свободы
Посредник и судья, корысти, рабства чужд,
Дал царствам, обществам он прочность, круг, законы
И, свыше вдохновен, воздвигнул грады, троны,
Почтенный — в славе алтаря,
Великий — в образе царя!

Где первый след ума, где первый путь познаний,
И кто — измеритель вселенная — дерзнет
Обнять поля его побед, предназначений?
Он, сам себе чудясь, ответа не дает!
Науки смелая мыслительное зданье
Объемлет целый мир — племен, веков собрание,
Нерукотворный храм святой!
Кто жрец твой, боже? — Труд благой!

Времен Экклезиаст, он в гордых мавзолеях,
В развалинах градов, в паденьи царств, царей,
Любви к отечеству в негиблющих трофеях,
В величии доброт, в ничтожестве страстей
Младого гения порывы искушает,
«Се! повесть дел твоих! Хвала и стыд! — вещает. —
Ты обществ член, ты гражданин;
Будь сам себе судьей, мой сын!»

Представь, как ты вступил в сей мир, пришелец новый,
Слаб, беден, гладен, наг, живая жертва бед!
Что ж встретило тебя? Покров и дом готовый;
На персях ты любви напитан и согрет!
Сшел ангел с небеси, сердцах родших зримый,
И силою тебя облек непостижимой;
Закон тебе во стража стал
И прав скрижали подавал!

Уже младенчества с невинными играми
Резвись, без умысла ты учишь сам себя;
Там к счастью стези наследны пред очами;
Там славы хор гремит; честь, долг ведет тебя;
Там, к юноше стремясь, приветствуют науки;
Там царие земли дают друг другу руки
За жизнь твою, за твой покой;
Торговля, промысл, знаний рой

По суше и морям тебе приносят дани;
Там золото в дар тебе клубится по браздам;
Там грозны за тебя кипят с врагами брани!
Кто сделал всё сие? И что ты сделал сам?
Дерзнешь ли ты ступить на прах ногою холодной?
То праотцы твои! Пьешь воздух ты отрадней?
 То их любовь — творец всего
 До дня рожденья твоего!

О нравственных миров божественно светило!
О благодарность, мать общественных связей!
Твое внушение законы упредило:
Законы рождены, цветут в душе твоей!
Тебе покорствуют пустынь ливийских звери!
Тебе ль затворим мы сердец холодных двери?
 Кто может сам себе лишь жить,
 В кругу служений праздным быть?

Чертоги праздности возносятся блестящи
На пепле пламенем чреватая горы,
Являются сады и рощи говорящи,
Веселий и забав приветные шатры;
И звуки сладких лир, и песни обольщенья...
Обман! — То всё скорбей, недугов облаченья,
 Без тела тени лишь одне,
 Мрак в свете, бури в тишине!

Там образ видится обилья недвижимый;
Там, мертвый предков блеск разбрасывая, знать
На персях лести пьет сон дряхлости томимый;
Самонадеянье там крадет дни, как тать;
Коварная хвала обрезывает крылья
Парящему птенцу; злой суд мертвит усилья;
 Станицы игр, утех и нег
 На темя в розах сеют снег!

Враг долга — враг себе, дань мстительного рока!
Народных хищник благ, семейств и обществ яд,
Разврата раб, стремясь к пороку от порока,
Он казнь свою плодит и страждет в чадах чад!
О труд, бесценный труд, небес благословенье!
Свобода, честь, покой, ты наше наслажденье!
 Ты счастлив метою своей:
 Жить в светлой памяти людей!

Без меты, горними объемлемой душами,
Всяк подвиг смертных зло, плод горький суеты!
Преступная земля, враждующая с небесами,
Нередко злых сынов вооружала ты!
Титаны восстают; на горы ставят горы,
Воюет огонь, вода, кипят стихий раздоры;

До звезд рог поднял Вавилон;
Но бог воззрел — и где же он?..

Куда стремишь полет, неистовый сын славы?
Неиссякаемый в коварствах исполин!
Падут окрест тебя и троны, и державы;
На грудь закона став, речешь ты: «Я един!
Корысть и жертва мне, терзайтесь, народы!
Облей всю землю, кровь, как в день потопа воды,
И я, осклабяся челом,
Ужасным вознесусь трудом!»

Напрасно! Злобы раб крушится сам собою,
Всегубящий вулкан в своих горит огнях!
Он рухнет, собственной раздавлен тяготою!
Что ж век, истраченный в крамолах, суетах?
Что ж беспрерывные алканья исступленья?
Что праху золота позорные служенья?
Крез в жизни миг единый знал,
Когда Солона призывал!

Слепые! мните вы — о, жалкое мечтанье! —
Вы мните, тяжких клятв окованные мглой,
Для света вырасть вновь, продлить существованье
В громадах пирамид и в пышности немой!
Не ваши призраки из сих гробниц исходят;
Нет! — тени мщенья окрест их грозно бродят,
И воеет в мертвой пустоте
Стон тысяч падших в снедь тщете!

Труд честный блага все, не купленные страстью,
Посредственности дал. Он ратая семье
Открыл ближайший путь к святой свободе, к счастью;
В свет горний мудрого облек он бытие!
Всяк мирный гражданин, трудяйся правде, богу,
Живой совет, пример, друг нищу и убогу,
Цветет и по закате дней
Благословением людей!

Где знамения дел, земле, творцу любезных!
Пожарского колосс — спасенный Кремль, престол;
Демидова хвала — сады наук полезных;
Гроб Шереметева — целенье скорбей, зол!
Петр дышит, жив в тебе, великая Россия!
Екатерина в вас — закон, права святые!
Европа, ты в урок векам
Благ Александра вечный храм!

<1825>